

**ЖИТИЕ СВ. ФИЛИППА НЕРИ,
ОСНОВАТЕЛЯ КОНГРЕГАЦИИ ОРАТОРИАНЦЕВ**

о. Джироламо Бернабеи

*Пер. с лат. Philippus Neri, fundator Congregationis Oratorii Romæ (S.), Vita a. Hiero.
Barnabeo ex MS. // AASS Maii T. VI, p. 524-649*

В переводе Константина Чарухина

ГЛАВА XXIX. КАК ФИЛИПП УЗНАВАЛ ДУШЕВНЫЕ ТАЙНЫ

[425] Филипп столь замечательно проникал сокровенные помыслы, что прекрасно понимал, когда тем, чьи исповеди он обычно выслушивал, доводилось свершить или помыслить что-нибудь доброе либо злое. Поэтому он наверняка знал, прилежали они молитвенному правилу или нет, да сколько времени на это тратили, а также подробно пересказывал им, какие они допустили проступки и даже какие [страсти] волновали им душу. Причём сие было для них столь обыкновенно и привычно, что те, у кого была нечиста совесть, в его присутствии не находили себе места, а тем, кто имел совесть спокойную, казалось, что чувствуют радость чуть ли не райскую.

Кроме того, когда его ученики в разговорах между собою случайно затрагивали предметы ничтожные или даже в некотором роде предосудительные, многие из них тут же прерывали беседу и укоряли друг друга словами: «Надо бы осторожно, а то Филипп нас разоблачит».

Наконец, и сам святой при малейшей возможности повторял, что прекрасно различает, искренне ли или притворно кто приступает к таинству покаяния.

[426] Когда Раффаэле Лупи, римлянин, был ещё молод и распутен, лучший друг привёл его в Ораторий св. Иеронима, а по завершении проповедей, затащил в комнату блаженного отца и поведал, что сей стремится изменить свою жизнь к лучшему и хочет омыть прегрешения прежних лет в таинстве исповеди, чтобы посвятить себя служению Богу.

Услышав сие, Лупи вознегодовал, ведь ни о чём он не помышлял меньше, однако, дабы хоть для виду угодить другу, встал на колени перед Филиппом и начал притворно исповедоваться. Но отец, узнав [о его неискренности] чрез откровение Божие, крепко обхватил его голову обеими руками и молвил: «Дух Святой открыл мне, что всё сказанное мне тобою весьма далеко от истины. Не утаивай греха своего. Открой, сынок, «открой Господу путь свой и уповай на Него, и Он сотворит» (Пс. 36:5. – пер. П. Юнгера)». От сих слов внезапное сокрушение охватило кающегося, он мгновенно пришёл в себя и совершил подробнейшую исповедь за всю жизнь. А с того дня он вверил Филиппу руководство своею совестью и, отрекшись от бывшей невоздержности, усвоил себе суровый христианский подвиг, а в итоге по совету Филиппа вступил в орден св. Франциска, где после благочестивейше прожитой жизни удостоился достойной смерти.

[427] Когда Мария-Маддалена де Ангуиллара, из облаток Торре-ди-Спекки, как-то раз исповедовала у Филиппа грехи свои, отец, присмотревшись к ней, сказал: «Вот что: исследуй-ка ты свою совесть поприлежнее!» Она отошла и покопалась в тайниках души своей, а затем вернулась к святому и исповедала все провинности, что ей припомнились. Наконец, она молвила: «Прошу тебя, отче, если грехи мои от тебя не сокрыты и если есть ещё, что от меня утаилось, открой мне». А он ей на это: «Будь спокойна, уже ничего не осталось». Затем в её душу закралось подозрение: а вдруг Филипп сказал это наобум; правда ли он проник в тайники души её?

Поэтому немного позднее, когда она снова приступила к таинству исповеди у него, святой сразу же молвил: «Молчи, я буду говорить за тебя», - и всё, что она надумала

сказать, сам подробно поведал, тем самым упредив и развеяв её подозрения. Сие привело женщину в изумление, и с того дня она почитала его как пророка.

[428] Джакомо Крешенци, один из первых (как мы уже говорили) учеников Филиппа, открыто свидетельствовал, что для слуги Божия было обычным делом выявлять, что крылось в закоулках души.

Однажды Джакомо пребывал в душевной тревоге, сомневаясь, не допустил ли прежде проступка, который укрылся от него либо же каким-то образом ускользнул [от его внимания], из-за чего и не был избыт в таинстве покаяния. По этой причине он вверил себя молитвам Филиппа, а тот молвил: «Будь спокоен и не сомневайся, ведь если бы ты упустил что-то важное по незнанию или по забывчивости, Бог явно открыл бы это мне – будь в том совершенно уверен».

[429] Нечто подобное случилось и с Франческо де Молара. Ибо однажды он изложил в исповеди перед Филиппом всю свою прошлую жизнь, но затем снова вернулся к нему, чтобы ещё больше очистить свою совесть. Тогда святой молвил: «Скажи, пожалуйста, сынок, не совершил ли ты такого-то греха?» – и подробно описал его. Когда же Франческо то подтвердил, отец продолжил: «Почему же ты в нём не исповедуешься?» А кающийся ответил: «Так я думал, что уже его исповедал». Святой же ему: «А вот знай, что ты этого не сделал». И действительно, ещё раз тщательно всё обдумав, Франческо обнаружил, что так оно и есть, а потому возблагодарил Бога, который через Своего слугу изволил своевременно вразумить его.

Когда Джузеппе Дзерла, о котором мы выше упоминали, приступал к таинству покаяния, Филипп описывал ему не только его прежние помыслы, но даже будущие предвещал, предписывая средства против каждого из них. Потому Дзерла многократно говаривал, что тайны его сердца были Филиппу яснее, чем ему самому.

[430] В год спасения нашего 1591 в Город прибыл Терио Гуэрра из Сиены, человек, отличавшийся добрыми нравами и благочестием, и, будучи глубоко связан дружбою со всеми нашими, воспользовался их гостеприимством. И вот вечером он увидел, как Филипп смеялся и шутил в кругу своих учеников и нескольких других мужей выдающегося достоинства. Сие несколько рассердило его как человека серьезного и строгого, и он начал сомневаться в душе: да правда ли Филипп таков, каким его считают повсюду? Уж слишком легкомысленным для святого казалось ему такое [поведение].

На следующее утро он пришел к блаженному отцу и благочинно у него исповедал грехи, но о том внутреннем своём смущении не обмолвился ни словом. А отец (об всём уже знавший от Бога) молвил: «Внимание, будь откровенен и искренен на исповеди; твёрдо помни, что независимо от причины никогда нельзя ни о чём умалчивать, пускай даже что-то кажется незначительным и маловажным. Почему же, скажи на милость, ты не признался мне прямо, что вчера разозлился из-за меня?» – и подробно поведал ему обо всём, что тот накануне себе надумал. Терио, поражённый этими [словами] и утратив все сомнения в святости Филиппа, с того дня почитал сего мужа всё больше и больше.

[431] Пришла однажды к слуге Божию некая женщина, якобы с намерением очистить совесть [исповедью], а на самом деле в надежде получить толику хлеба, что

обычно каждую неделю раздавали нищим в Конгрегации Милосердия. Однако Филипп сразу почувствовал [истинные намерения женщины], поскольку Бог открыл их ему, и, едва заведя, что она приближается, молвил: «Ступай, дорогуша, ведь тут тебе никакого хлеба не будет», – и отослал её, не выслушав.

Да и вообще слуга Божий с величайшим вниманием следил за тем, чтобы никто не обращал благочестие на корысть и не злоупотреблял таинством покаяния. Поэтому, если он вдруг узнавал, что кто-то из его учеников нуждается в пособии, чтобы поддержать достойный уровень жизни, он обычно втайне передавал такому человеку деньги через неизвестных, чтобы и о чести его позаботиться, и любые поводы для притворства пресечь.

[432] Кроме того, если кто-нибудь по собственному побуждению пропускал что-либо в исповеди, Филипп сразу же строго обличал такого и побуждал исповедаться искренне.

Однажды он слушал исповедь Этторе Модию, а тот обошёл молчанием некие нечистые искушения, коими был осаждаем. Тут же [почувствовав это,] Филипп молвил: «Тебя тревожат такие-то и такие-то искушения, а ты в борьбе с ними проявляешь крайнее небрежение, но куда хуже то, что ты не исповедался в них». Услышав сие, Модию был потрясен и сокрушился сердцем, тут же опомнился, после чего с того дня открывал [на исповеди] все тайники и закоулки своей совести.

Некто иной, чьего имени мы, пожалуй, не будем упоминать, не имел ночью покоя от тягчайших искушений, а наутро не посмел явиться Филиппу на глаза – потому, возможно, что не оказал должного сопротивления искушению. Однако после обеда он по привычке подался в Ораторий, где, хоть и зашёл в самый укромный уголок, стараясь вести себя незаметно, всё же не смог скрыться от взора Филиппа, который, подозвав его, молвил: «Эй, мил человек, ты от меня убегаешь?» Затем, отведя его в сторонку, строго выбранил и поведал ему к огромному его изумлению обо всех борениях предыдущей ночи.

В другой раз блаженный отец, выбрав подходящее время, обличил этого же человека, сказав: «Ты, сынок, подался туда-то (и назвал место) и пытался скрыть это от меня», – причём Филипп никак не мог знать этого иначе, как только по откровению Божию.

[433] Почти то же самое случилось с неким юношей, который, поддавшись суетным самооправданиям, не захотел во время исповеди у блаженного отца признаться в некоторых тяжких прегрешениях. Но святой сразу заметил ему: «Сынок, ты совсем неискренне мне исповедался, ибо сознательно скрыл такие-то и такие-то грехи», – и перечислил ему их один за другим, указав сверх того места и время, когда они были совершены. Более того, он поведал ему и о других грехах в том же роде, совсем уж потайных. Из-за этого кающийся, охваченный стыдом и скорбью, не смог удержать слез и тотчас же, «вспомнив годы свои в горести души своей» (ср. Вулг. Ис. 38:15), совершил тщательнейшую исповедь за всю жизнь.

Ещё некто иной, едва встал на колени перед слугою Божиим, приступая к таинству исповеди, задрожал всем телом и не мог выдать из себя ни слова. Святой же спросил его: «Почему не продолжаешь?» А он в ответ: «Потому что стыжусь

признаться в одном тяжком прегрешении». Тогда Филипп, движимый состраданием, схватил его за руку и молвил: «Не бойся, я сам назову тебе твой грех» – и немедленно рассказал ему всё, что тот был не в силах поведать из-за какой-то ложной стыдливости. Пораженный этим, кающийся окончательно очистил свою совесть, а в дальнейшем всячески чтит Филиппа как мужа величайшей святости.

[434] Очень похожий случай произошёл с каким-то другим человеком, который равным образом ходил обычно исповедоваться к Филиппу, а когда совершил нечто, что не осмеливался открыть ему, очистил совесть свою перед другим священником. И вот, когда он снова пришёл к святому и по обыкновению приступил к исповеди, молвил отец: «Сынок, ты впал в прегрешение, которое хотел скрыть от меня и исповедал его другому, а Бог мне это открыл». Эти слова глубоко потрясли человека, и, раскаявшись в содеянном, он попросил прощения, а с той поры непременно смывал грязные пятна с души своей прилежной и искренней исповедью.

И другого, который по той же причине стал реже обычного приходить на исповедь, то так, то эдак оправдываясь, святой строго упрекнул, сказав: «А ведь ты не приходил ко мне потому, что запутался в весьма тяжких грехах!»

Ещё одного он неожиданно отвёл в сторону и, в самых обходительных выражениях увещевая, спросил: «Почему, сынок, ты не исповедуешь такой-то грех?»

Помимо сих было почти бесчисленное множество людей, чьи грехи и сокровеннейшие, потайные искушения Филипп открывал, получая откровения от Бога. Однако это мы, поспешая к другим примерам, опускаем, чтобы книга не вышла чересчур объёмистой.

[435] И не только то, что явно относится к таинству исповеди, но и многое другое предвидел и предсказывал слуга Божий.

Винченцо Бегер в юности предавался мирским суетам, но однажды, когда он прогуливался по Городу, Бог внушил ему мысль оставить мир и вступить в святое Доминиканское братство. Итак, не теряя времени, он направился в церковь Святой Марии над Минервой, где встретил одного из доминиканских отцов, коему имя было Пьетро Мартире (и мы упоминали его ранее), а он тогда как раз начальствовал над послушниками сего ордена.

Итак, подойдя к нему, юноша, хоть и был совершенно с ним незнаком, сообщил, что Божий Дух подталкивает его к этому ордену. А Пьетро, уже изрядно изведав добродетель Филиппа, молвил: «Давай-ка, сынок, ты первым делом зайдёшь в обитель Св. Иеронима и обсудишь там свой замысел с Филиппом, мужем чрезвычайно святой жизни; и вот, если он сие одобрит, тогда исполняй; если же нет, то знай наверняка, что толку тебе в том никакого не будет».

[436] Винченцо отправился к Филиппу и застал его у дверей сакристии, беседующим с кем-то. Когда же блаженный отец увидел приближающегося юношу, молвил: «Погоди-ка немножко, сынок, пока я не освобожусь; мне-то ведь известно, чего ты добиваешься». Позднее, закончив беседу, он повернулся к нему и, слегка подёргав по своему обычаю за волосы и за ухо, поведал: «Я знаю, что Пьетро Мартире послал тебя ко мне, чтобы я тебе сообщил, есть ли тебе толк вступать в иночество или нет. Так вот ступай и скажи ему от меня, что сия мысль внушена тебе Богом».

Юноша, пораженный таким ответом, вернулся к Пьетро и обратился к нему словами Самарянки: «Я нашел человека, который сказал мне всё, о чём я думал» (ср. Ин. 4:29). А тот с улыбкой ответил: «Ну я же знал, к кому тебя посылаю! Раз уж Филипп одобрил сего рода замысел, не сомневайся: в скором времени исполнишь свое желание».

Итак, спустя несколько дней, в присутствии самого Филиппа и других членов Конгрегации, юноша торжественно принял священное облачение. Позже он неоднократно слышал от Пьетро, что Филипп не мог узнать об этом деле никак иначе, кроме как по откровению Божию.

[437] Доменико Скоппа приехал в Город с тем, чтобы вступить в Орден регулярных клириков, и когда он сообщил о своём замысле Таруджи, тот привёл его к Филиппу. Ну и святой стал всячески убеждать его обязательно исполнить задушевное своё пожелание. Затем он шепнул ему на ухо вот что: «Не сомневайся; то, что сейчас кажется тяжёлым и трудным, не доставит тебе никаких хлопот». Это изумило Доменико до крайности, ибо он ни единой живой душе не открывал того, что обдумывал про себя; когда же впоследствии вступил в орден, уразумел, что всё произошло именно так, как предвозвестил Филипп.

[438] Бьяджо Бетти, тоже Регулярный Клирик, более года страдал от тягчайших душевных волнений, и хотя он силился отогнать их молитвами, умерщвлением плоти и другими подобными упражнениями, однако ничто, казалось, не могло помочь ему в беде. Но поскольку он весьма почитал добродетель Филиппа, то решил прибегнуть к нему, как к священному якорю.

Итак, он подался в Валличеллу и нашёл слугу Божия в храме, а поскольку он принимал тогда исповеди, то удалился в галерею рядом и там, прогуливаясь, поджидал его. Филипп покончил со своими обязанностями, а когда увидел того человека, тотчас завёл беседу, молвив: «Не надо тут тратить слов, я знаю, чего ты желаешь; ступай и исполни всё, что тебе предпишет твой духовный отец – и довольно с тебя». Услышав сие, Бьяджо остолбенел, ведь он прежде открывался единственно лишь духовнику, которому он снова – из послушания Филиппу – поведал о своих душевных волнениях и таким образом снискал лекарство от неизлечимой болезни.

[439] Кардинал Лодовико де Торрес в пору молодости был близко дружен с Филиппом; и вот, когда он увидел его в убогой и изношенной одежде, задумал справиться ему новую, ну и с этой целью принёс с собой деньги. Однако же прежде чем пойти к суконщику, он, по обыкновению, отправился в Ораторий, а по окончании [занятий] там святой муж (ведь он всё проведal по внушению свыше) призвал юношу к себе, отвёл его к себе в комнату и, открыв шкаф, молвил: «Ну, видишь, что я вовсе не нуждаюсь в одежде, и тебе не следует тратиться ради меня?» Лодовико услышал сие не без величайшего изумления, ведь намерения своего он никому не открывал, но вследствие случившегося он позднее, после кончины Филиппа, всегда был готов заверить каждого, что святой проявлял несравненные способности проникать в сокровенные чувства.

[440] Клаудио Нери, римского гражданина и превосходного знатока права, терзали столь тяжкие смятения, что он воздерживался от многих благочестивых дел и от

частого причащения. В связи с тем он неоднократно намеревался сообщить о своей беде некоему мужу замечательного благочестия да и самому Филиппу, однако превосходный сей замысел так и не смог довести до конца.

Случилось так, что в то время Филипп слёг от болезни, а Клаудио навесил его, и они долго беседовали. Наконец отец спросил: «Что ты хотел мне сообщить?» – «Да, собственно, ничего, – ответил тот, – Я пришёл с тем лишь намерением, чтобы тебя проведать». И хотя Филипп ещё несколько раз настойчиво просил его прямо сказать, что происходит, Клаудио упорно повторял то же самое. Ну и Филипп тогда начал рассказывать: «Жил да был некий муж, очень близкий мой друг, и беспокоили его великие душевные смятения...» – и, продолжая с того места рассказ, он мало-помалу открыл все закоулки и тайники помыслов «друга», добавив, какие целительные средства ему тогда якобы предписал. И именно с их помощью Нери, поражённый услышанным, с удивительной лёгкостью унял от свои мучительнейшие смятения.

[441] Кроме того, у него была дочь, которая хотела уйти в некий монастырь, а сам он предпочёл бы, чтобы она поступила в святую обитель Торре-ди-Спекки. Филипп по вдохновению Божию поведал о том и без чьей-либо просьбы стал прилежно хлопотать о том, чтобы девушку приняли в эту обитель, куда она вскоре, к отцовской радости, и поступила, причём охотно и добровольно.

Нечто подобное самолично испытал Франческо де Рустичи, знатный римлянин, который как-то всю ночь провёл без сна, ломая голову, как бы ему уладить труднейшее дело со своим родственником, и наутро сразу пришёл к Филиппу, чтобы посоветоваться об этом самом деле. А святой, едва завидев его, тут же молвил: «Знаю, что тебе нужно! Возвращайся ко мне через пару дней, и всё устроится». Тот ушёл и, вернувшись к блаженному отцу через пару дней, обнаружил, что дело уже уладилось в согласии с его пожеланием. Его весьма удивило, как без объяснений с его стороны всё могло разрешиться так быстро, учитывая крайнюю тяжесть задачи и множество сопутствующих ей затруднений.

[442] Джанандреа Помио Лукателли, священник и глубокий знаток священного богословия, часто читал Филиппу вслух что-нибудь из писаний схоластов. И бывало, читает он, читает, а святой муж и молвит: «А ведь ты, дорогой Лукателли, размышлял сейчас о другом», — и, к его величайшему изумлению, подробно перечислял всё, что тому приходило на ум.

Костанца дель Драго, о которой мы не раз упоминали, потеряла мужа. Филипп пришёл к ней, чтобы утешить её, а она, глядя на него, помышляла: «Этот старик доселе жив-здоров, а муж мой умер, хотя был куда моложе и крепче...» Думала она так, думала, и внезапно блаженный отец улыбнулся и молвил: «Этот труповидный старик всё ещё жив, а твой муж, который был куда крепче меня, умер, не так ли?» Эти слова ошеломили Костанцу; и хоть она искала себе оправданий, однако из-за стыда и изумления не смогла найти.

Она же постановила было взять на себя некое благочестивое служение, но затем (как это часто бывает) передумала и стала помышлять о другом, а когда в храме подошла к Филиппу, он едва завидев её, первым делом спросил: «Почему ты отступила от своего решения? Ведь ты не довела до конца то, что наметила?» – и он назвал, о чём

именно шла речь. Услышав сие, Костанца изумилась до крайности и ясно уразумела, что тайны её сердца перед взором Филиппа полностью обнажены и открыты.

[443] Однажды блаженный Отец пришел в девичий монастырь, посвященный св. Марфе, и там в храме дружески беседовал с несколькими из тамошних насельниц. Среди прочих там оказалась также Сколастика Гацци, которая, издавна видя в Филиппе святого, решила открыть ему тягчайшее смятение своей души, ведь она считала себя обреченной на вечные муки, но не решалась никому поведать о сем искушении. Итак, она подошла к нему, но не успела заговорить, как отец ей: «Как дела, Сколастика, как дела?! Рай – твой». Она же ответила: «Отнюдь, мой дом – ад». На что святой ей: «И всё-таки рай, говорю тебе, рай – твой, и я это тебе ясно покажу. Скажи-ка на милость, ради кого умер Христос?» – «Ради грешников», – ответила Сколастика. «Ну а ты, – продолжил Филипп, – кто такая?» – «Я грешная женщина», – молвила она. Тогда святой заключил: «Значит, рай твой, коли ты искренне презираешь свои грехи». Услышав сие, инокиня перевела дух, [почувствовав, как] страха и тягость [покидают её], а когда она отогнала все сомнения, ей стало казаться, будто она постоянно слышит: «Рай – твой, рай – твой».

Почти то же самое испытали на себе Мария Виттория и Прасседе, инокини из того же монастыря: первой Филипп открыл её сокровенную тайну, а второй поведал о тяжком нападении бесовском, которое она пережила до вступления в монастырь, но никогда никому о том не сообщала.

[444] Наконец, ко всему этому следует добавить то, что произошло с неким Томмазо из Сан-Джеминиано. То был юноша лет шестнадцати, который несмотря на священный свой сан ходил в мирской одежде (ведь акты Священного Тридентского собора ещё не были обнародованы), и ничто не выдавало в нём священника. Итак, когда Филипп завидел его при приближении, то, вперив взор в него, спросил: «Скажи на милость, не священник ли ты?» – «Точно, я священник», – ответил тот и сверх того объяснил, как был рукоположен: по настоянию родственников, которые понуждали его к сему, дабы он вступил в наследство большим богатством. Тогда Филипп, тронутый его печальным рассказом, устроил его в обители Милосердия, где и сам в те дни обитал, а также позаботился о том, чтобы родственники обеспечивали его всем необходимым для жизни и занятий, пока, наконец, образованного и счастливого, не отправил его обратно в родные места. Ну а как же слуга Божий узнал о его утаённом сане? Франческо Мария Таруджи свидетельствует, что по «печати священства», сиявшей на лице юноши.

[445] Но дабы каждому стало понятнее, что в сказанном мы ничего не преувеличили и не приукрасили, но, напротив, о многом осторожно умолчали или лишь слегка коснулись того, вполне будет уместно привести здесь замечательные свидетельства некоторых лиц. Из них вполне ясно видно, как Филипп был в этом силён.

Итак, кардинал Федерико Борромео, прилежнейший наблюдатель и подражатель его добродетелей, сообщает: «Филипп обладал знанием душ столь возвышенным и совершенным, что мгновенно распознавал как внезапную перемену от зла к добру, так и обратно. Поэтому однажды он сказал одному человеку, подошедшему к нему: „Вид у тебя отвратительный“. Услышав сие, тот удалился и горько оплакал свои

грехи. А вскоре после того отец, увидев его, хоть и совершенно не знал, как тот себя вёл и что делал, сказал: „Со времени твоего ухода ты вид свой переменял“».

[446] Кардинал Франческо Мария Таруджи молвил: «Со мною частенько бывало, что, когда я заживал к нему, он заведомо знал мои тайные грехи и предвосхищал мою исповедь, говоря: „Сынок, ты подвергся такой-то и такой-то опасности и совершил такой-то грех, а я узнал об этом во время молитвы“».

Кардинал Оттавио Паравичино также свидетельствует об этом: «То, что он проникал в тайные [помыслы] душ, я не раз испытывал на себе лично; ну и дивился весьма, как это может случиться, что он сразу же чувствует то, что приходило мне в голову. Причём я понял, что это случалось и со многими другими».

Кардинал Джироламо Панфили поведал: «Однажды, когда я решил открыть блаженному отцу свой замысел, о котором никогда не сообщал ни единому смертному, он утром в ризнице Валличелльской церкви взял меня за правую руку и, не дав ни спросить, ни заговорить, молвил: „Я хочу, чтобы мы занялись таким-то делом“, и по порядку изложил всё, чем я намеревался с ним поделиться, каковая осведомлённость меня изумила до крайности. Мало того, когда я приступал у него к таинству исповеди, он вмиг охватывал единым взглядом все свершённые мной злодеяния, а поэтому часто, прежде чем я успевал сказать хоть слово, он сам подробно рассказывал всё, что я собирался ему сказать».

[447] Пьерпаоло, кардинал Крешенци, молвил: «Я точно знаю, что Филиппу были открыты самые сокровенные и тайные уголки сердца; я и сам часто замечал это на себе: ведь он рассказывал мне о том, что, кроме меня, никто из людей не мог знать, кроме как свыше; да не раз слышал, что другие испытывали то же самое на себе».

Марчелло же Вителлески утверждал, что и с ним сие бывало: «Когда я порой, удерживаемый неким глупым стыдом, не осмеливался исповедать какой-либо грех, то не успевал я начать исповедь, блаженный отец сам мне о том напоминал; и это случалось со мной не раз. Если же я иногда приступал к таинству покаяния, терзаемый множеством надуманных самообвинений, он, взглянув на меня с безмятежным и спокойным видом, тотчас утишал мою бушующую совесть; притом я был уверен, что если бы я по неведению или небрежности умолчал о чём-то важном, он тотчас бы спросил меня об этом».

[448] Паоло Маджи поведал: «Когда я приходил к нему на святую исповедь, то много раз, прежде чем я успевал что-либо сказать, он прежде меня возвещал грехи мои, которые могли быть известны едино лишь Богу».

Марчелло Ферри говорит: «Когда я исполнял таинство исповеди, отец зачастую, взглядевшись в меня, подробно рассказывал мне все, что я совершил, будто он проникал во все тайны моего сердца. А когда он, уделяя отпущение, возлагал мне руку на голову, я чувствовал, что мой дух целиком и все мои члены наполняет великий пыл духовный».

[449] Муцио Акиллеи сообщил о себе следующее: «Говорю как очевидец: блаженный отец проникал в тайны сердец и скрытые уголки совести. Помню (и это есть в какой-то из моих записных книжек), что в 1573 году от Рождества Христова, когда я допустил кое-какие грехи и стыдился открыть их ему, однажды случилось так, что

при удобном случае святой муж в моём присутствии упрекнул некую пожилую женщину, сказав: «Ты попадёшь в ад». Услышав это, я безрассудно и легкомысленно рассмеялся, и тут же отец, обратившись ко мне, молвил: «А ты тоже в ад угодишь». Ну и думаю, что это было сделано не по какой иной причине, кроме как для того, чтобы именно я под страхом кары образумился и вернулся к ревностному служению. Но, будучи привержен мирским похотям и не вполне понимая святость сего мужа, я не видел перед собой никакого будущего и не знал, как выбраться из трясины греховной. Когда же я однажды снова зашёл к нему, однако кое-какие тайные прегрешения открыть ему не решался, он просто и ясно поведал мне о них. Итак, поскольку мои проступки были обнаружены, я тотчас решил очистить свою совесть через смиренную и искреннюю исповедь, разрушив бесовские ухищрения».

[450] Маркантонио Вителлески молвил: «Я часто приходил к блаженному отцу, а он сообщал мне то, что никто, кроме одного Бога да меня самого, не мог знать. Если же я когда-нибудь, сознавая, что запятнан какой-либо скверной, попадался ему на глаза, то трясся всем телом, ибо весьма боялся: вдруг он мне об этом заявит. Но если на совести у меня ничего не было, его присутствие дивным образом укрепляло меня, точно радость райская».

Анджело Виттори засвидетельствовал следующее: «Порой, когда я приходил к блаженному отцу и просил его помолиться за меня Господу, он [после молитвы] тотчас же добавлял, что мне следует особенно остерегаться того и этого, и подробно перечислял мои пороки, о которых не мог знать иначе, кроме как свыше, ведь он не был моим духовником, и никому из людей я в таких грехах не признавался».

Пьетро Фочиле поведал: «Часто блаженный отец Филипп открывал мне мои тайные помыслы; часто также, едва завидев меня, сообщал мне о моих грехах, как тяжких, так и лёгких, да и обо всём, что я совершил против его воли, причём, иначе как по откровению Божию он не мог бы этого знать».

[451] Кассандра Райди поведала: «Я, право же, всегда считала Филиппа святым человеком. А когда я впервые пришла к нему, чтобы приступить к таинству исповеди, то не успела заговорить, как он открыл мне каждый мой помысел и всё, что было у меня на уме, а этого он, конечно же, не смог бы, не озаряй его божественный свет».

Антония де Пекорилли молвила: «За два года до того, как блаженный отец покинул эту жизнь, он во время нашей беседы сообщил мне о неких моих задушевных замыслах, которые я никогда никому не намеревалась открывать, и, поражённая этим, я сказала про себя: «Что-что, а уж это проведать можно было только по откровению Божию!»

Наконец, чтобы не утомлять читателей чрезмерной длиной повествования, достаточно будет сказать следующее: история жизни Филиппа сплошь полна подобного рода предсказаний. Решительно все, кто близко общался с ним, недвусмысленно свидетельствуют, что в проникновении душевных глубин он являл сущие чудеса.

ГЛАВА XXX. КАК БЛАГОРАЗУМИЕ И СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННАЯ ПРОНИЦАТЕЛЬНОСТЬ ПОМОГАЛИ ФИЛИППУ В РУКОВОДСТВЕ ДУШАМИ

[452] Хотя для Филиппа (как уже не раз говорилось) не было ничего важнее, чем поддерживать о себе мнение как о человеке немудрящем, тем не менее, по единодушному мнению всех, был он в высшей степени благоразумен и глубокомыслен. Поэтому к нему отовсюду стекались, словно к оракулу, и даже сами Верховные Понтифики в большинстве своём ценили его суждения.

Григорий XIV неоднократно, оказываясь в чрезвычайно сложных обстоятельствах, посылал к нему и спрашивал его мнение. Точно так же поступал впоследствии Климент VIII, особенно когда речь зашла о примирении короля Генриха IV Наваррского с Католической Церковью. Лев XI, будучи ещё кардиналом (как мы рассказали ранее), имел обыкновение несколько раз в неделю посещать его и вести с ним весьма долгие и чрезвычайно глубокие беседы; он свидетельствовал, что среди прочих добродетелей ясно видел в Филиппе необыкновенную мудрость. Карл, кардинал Борromeо, и сам впоследствии причисленный к лику святых, имел обыкновение проводить с ним многие часы в доверительных беседах, обсуждая в особенности то, что касалось управления Миланской епархией; а покидая Город после смерти своего дяди, папы Пия IV, св. Карл поручил свою сестру Анну Борromeо его руководству и наставлению.

[453] Также и другие кардиналы, епископы и знатные мужи Города ежедневно стекались к Филиппу и ожидали его совета. Клаудио Аккуавива, четвертый после св. Игнатия генерал Общества Иисусова, муж высочайшей добродетели и благоразумия, нередко приходил к Филиппу и беседовал с ним по три-четыре часа. Наконец, множество настоятелей монашеских орденов часто навещали его, чтобы посоветоваться по важнейшим вопросам, и сиенец Тео, о котором мы недавно упоминали, клятвенно утверждал следующее: «Я лично знал многих достопочтенных и глубоко набожных мужей и с некоторыми был знаком даже близко, но не встречал никого, кто мог бы дать совет столь взвешенный, столь благочестивый и разумный, как Филипп».

Однако ещё удивительнее в нём было то, что когда у него спрашивали совета о чём-нибудь, отвечал он по больше части, казалось бы, наобум и необдуманно, однако по итогам событий явственно обнаруживалось, сколько весу было в его словах. В ведении дел он поступал крайне осмотрительно и, хотя по характеру был до чрезвычайности уступчив, никогда не заходил далее, чем подобало. Поэтому, когда однажды его попросили изложить Понтифику какое-то важное дело, он разумно ответил, что это вполне могут сделать другие и не следует назойливо докучать Понтифику разговорами, чтобы не закрыть себе вдруг возможность представить нужды тех, кому «никто не помогает» (ср. Плач. 1:7).

[454] Ну а в различении духов Филипп обладал столь глубокой проницательностью, что превосходно понимал, кому что способствует к вечному спасению. Поэтому решительно все, кто по его увещанию вступал в какой-нибудь иноческий орден (а таковых было почти без числа), благополучно оставались в нём до конца жизни; те же, кто решился на это, несмотря на его отговоры, не устояли в подвижничестве. То же наблюдалось и среди наших, ибо все, что были допущены в Конгрегацию по его совету, до последнего издыхания прекрасно трудились с пользой как для себя, так и для других, ну и напротив, те (немногие, впрочем), кого принимали вопреки его мнению, очень скоро отходили.

[455] Те же, кому он по определенным причинам велел остаться в миру (считая это их истинным призванием), добивались больших успехов в укреплении добродетели. И хотя можно было бы перечислить множество таких людей, однако ради краткости назовём здесь лишь некоторых в дополнение к тем, кого мы уже упоминали.

А первую очередь следует отметить слугу Божия Джамбаттиста Вителли из Фолиньо, широко известного своей беспорочностью и чистотою, который в возрасте более восьмидесяти лет отошёл к Господу в 1621 году. Итак, желая узнать, на каком жизненном поприще ему удастся угодить Богу, он с наступлением юбилейного 1575 года отправился к Филиппу, молва о чьей святости тогда уже разошлась повсеместно, и передал себя в его руки, словно бы – по его выражению – мертвеца, которому можно что угодно приказывать и вести куда угодно, не встречая ни малейшего противоречия. Однако сначала он бросился к ногам святого, намереваясь исповедаться за всю свою жизнь, но когда начал зачитывать какие-то записки, сделанные для памяти, Филипп выхватил у него из рук листок и разорвал, не позволив продолжить исповедь. Кающегося сие несколько не возмутило; вмиг умолкнув, он полностью положился на суждения блаженного отца, который [с тех пор] ежедневно упражнял его на разные лады в смирении и других добродетелях. Ну а Вителли между тем не престава с великим усердием молиться Богу, прося Его смилостивиться и показать, как именно ему следует устроить свою жизнь.

[456] Случилось же так, что однажды, находясь в храме св. Бонавентуры у подножия Квиринала, где тогда обитали отцы-капуцины, услышал он, как ему показалось, голос: «Возвращайся в Фолиньо, Джамбаттиста, возвращайся в Фолиньо». И хотя он обо всём [что случалось с ним] сообщал Филиппу, это, однако, ему отнюдь не сразу открыл, дабы не дать повода к подозрению, будто ему хочется в родные края, и именно поэтому он такое о себе рассказывает.

Но тот самый самый Дух, что глаголал в душе Джамбаттисты, вложил такую же мысль и в сердце Филиппу, поэтому в те же дни он ему откровенно и повелительно молвил: «Приказываю тебе вернуться в Фолиньо, ибо туда тебя зовёт Бог». Однако он велел ему туда возвратиться с той оговоркой, что при этом нужно будет оставаться готовым к вызову обратно и срочному возвращению. Таким образом премудрый намеревался укрепить его в добродетели и помочь ему сохранить свободу от привязанности к родным местам. Ну а Джамбаттиста, пребывая в служении Богу до глубокой старости, достиг такой добродетели и такого уважения среди всех, что ещё при жизни о нём говорили повсюду и единодушно именовали «блаженным».

[457] В точности то же самое случилось с Цезарем Баронием, ведь хотя некогда в юности он горячо жаждал вступить в инокский орден капуцинов, однако он не смог добиться этого от Филиппа (которого избрал своим духовным отцом) даже самыми униженными просьбами. Из-за этого некоторые негодовали, будто бы он отвращает людей от монашества, ибо не понимали, что святой муж, наделённый богоданной прозорливостью, предвидел, что Бароний предназначен Господом для совершенно иного служения на благо всей Церкви.

[458] Когда точно такое же устремление охватило палестринца Франческо Пуччи, он пришёл к Филиппу, привлечённый его славою, изложил ему своё недавно принятое постановление и спросил его мнение. Святой ему тотчас молвил: «Уходи, ты

совершенно не годишься для монашества; прежде всего из-за слабого здоровья. Оставайся в Палестрине! Оставайся, ибо там ты пожнёшь куда более обильные плоды для себя и других» – и блаженный отец несколько раз повторил ему это. Но поскольку обычно люди слишком доверяют себе, Пуччи не согласился со словами Филиппа; мало того, он с каждым днём сильнее и сильнее на него давил и всё назойливее вымогал позволения. Поэтому Филипп, поддавшись в итоге, сказал: «Раз уж решение твоё так твёрдо и непреклонно, ступай... однако ты там ни за что не удержишься».

И вот через несколько дней отцы-капуцины, убедившись в серьёзности его намерений, направили Пуччи в Витербо, чтобы он там поступил в послушничество. Не успел он проехать и половины пути, как его внезапно охватила какая-то хворь, и братья, сопровождавшие его в пути, заставили его вернуться в Город, оттуда он отправился обратно в родные края, страдая тяжёлой и опасной болезнью. Однако даже при этом он не только не отказался от своего намерения, но обещал Богу и святым, что, как только выздоровеет, тотчас поспешит к капуцинам.

Итак, выздоровев, он вернулся в Рим и доложил Филиппу о том, каким себя связал обетом. А тот ему: «Помилуй тебя Боже! Да разве не было тебе уже сказано, что ты совершенно не годишься для монашества, а больше принесёшь, оставшись в Палестрине?» Чтобы освободить его от необходимости вступать в орден, святой выхлопотал у Понтифика разрешения заменить этот обет на другое богоугодное дело, однако и после этого Пуччи не успокоился.

Тогда Филипп привёл его в киновию капуцинов и велел поговорить об этом с их генеральным министром. Тот же, предостережённый блаженным отцом, молвил явившемуся к нему юноше: «Чего ты ищешь?» Когда же тот рассказал, что связал себя обетом вступить в орден капуцинов, министр возразил: «Хорошо, но мы-то отнюдь не связаны обетом принять тебя». Услышав сие, он отправился к Филиппу и наконец смирился, отказавшись от намерения вступить в орден. Впоследствии же он вполне ясно уразумел, что святой муж божественным духом предчувствовал будущее, ведь через несколько лет его назначили архипресвитером Палестрины, и многие люди всех возрастов и сословий, которых необузданный нрав и похоти влекли ко всяческому распутству, вдохновившись его наставлениями и примерами, брались за ум и возвращались к достойной и целомудренной жизни.

[459] Джамбаттиста Крешенци, родовитый юноша, пылал желанием вступить в монашеский орден, о чём основательно договорился с отцами-доминиканцами, так что его уже вот-вот должны были принять в их ряды. В конце концов проведал о том его отец Вирджилио Крешенци и стал различными способами пытаться его от этого намерения отвадить. Однако, убедившись в том, что воля юноши непреклонна, он вновь и вновь просил его хотя бы посоветоваться с Филиппом. Тот послушался, а святой, возразив ему многое по этому поводу и ясно показав, сколь многотрудное дело он собирается предпринять, под конец же с полной откровенностью сказал: «Никакое это не Божие призвание, сынок, а побуждение от злобного беса, который стремится ввергнуть в смуту тебя и твоё семейство; знай же наверняка, что впоследствии, изменив своё намерение, ты вступишь в мирской брак». Юноша был поражён словами блаженного отца, потому что и совершенно не помышлял о браке, и имел старших братьев, которым, как ему казалось, это больше подобало, чем ему;

тем не менее, впоследствии воочию убедился, как всё свершилось согласно Филиппову предсказанию.

[460] И так ясно показывал ему Бог, что наипаче способствует вечному спасению каждого, что часто он без обиняков говорил своим ученикам: «Делайте то-то, ибо такова воля Божия». Не раз слышавший сие кардинал Федерико Борромео молвил: «Поистине, взять на себя ответственность, чтобы так высказываться, могут немногие, а то и, пожалуй, никто». Порой же святой муж говорил: «Этот устоит в служении Богу, а тот – ни за что», - и всё происходило именно так, как он предсказывал.

Некий Франческо, а с ним и Джамбаттиста Сарачени, о котором мы прежде упоминали, были среди тех, кто состоял в послушании у Филиппа с самого основания Оратория; и когда оба в одно и то же время решили вступить в орден доминиканцев, Филипп, движимый божественным духом, сказал: «Джамбаттиста устоит на выбранной стезе держаться до конца, а с Франческо выйдет совсем иначе, ибо он в иночестве не пробудет и года, отвергнет подвижничество и вернётся к мирским удобствам», что впоследствии и подтвердилось на деле.

[461] Однажды отцы решили принять в Конгрегацию юношу с прекрасными задатками, внушавшего большие надежды, чего, однако, Филипп отнюдь не одобрил, предвидя, что тот совсем недолго удержится в своём намерении, и хотя достаточно ясно дал это понять отцам, всё же не захотел прибегать к власти и в итоге позволил принять его. Не прошло и нескольких месяцев, как юноша, пресытившись поспешно взятым на себя подвигом, отошёл, а наши на опыте убедились, какой веры заслуживают слова Филиппа.

Среди первых учеников блаженного отца были итальянец и француз, причём первый казался гораздо ревностнее духом. И вот однажды святой доверительно спросил нескольких своих учеников, кто из тех двоих, по их мнению, удержится на пути Божиим. Поскольку ученики промолчали, он сам без обиняков заявил: «Тот итальянец, который ныне по видимости более пылок духом, не устоит в своём начинании, а вот этот француз, хоть и кажется менее рьяным, останется верен до конца». Что и удостоверили последующие события.

[462] Среди тех, кто с самого начала следовал за Филиппом, был некий семнадцатилетний юноша из Португалии. Так вот он достиг таких высот духовных, что являл прямо-таки блистательный пример для всех, и мог рассуждать о божественных предметах столь тонко и притом непринуждённо, что это казалось попросту невероятным. Из-за чего в частных беседах с ним (по свидетельству Таруджи) в изумление приходили наиучёнейшие мужи, а особенно Луиджи Липпомано, известный своим благочестием и учёностью епископ Веронский, который в то время часто участвовал в духовных упражнениях Оратория.

Однако случилось так, что, ведомый неведомо каким духом, юноша решил вступить в монашество, и хотя Филипп совершенно не одобрял этого решения, всё-таки, уступив настойчивым просьбам, позволил ему поступать (как отец в таких случаях выражался) «в похотях сердца своего» (ср. Рим. 1:24). Когда же тот был готов в торжественном чине принять иноческое облачение, явился вместе с Таруджи и другими сам святой. Однако, пока свершался священный обряд, Филипп укрылся в

храмовом приделе и разрыдался, так что Таруджи, подойдя к нему, спросил, почему он так горько плачет. А он ему ответил: «Добродетели сего юноши оплакиваю». Сих слов Таруджи совершенно не понимал до тех пор, пока вскоре не увидел, как португалец стал настолько расслаблен и невнимателен в служении Богу, что меньше всего помышлял о соблюдении иноческих правил. И хотя иноческого облачения он так и не оттринул, однако до конца жизни остался «изгнанником и скитальцем на земле» (Быт. 4:12).

[463] Причём было настолько известно, что Бог особенно щедро наделил Филиппа сим даром различения духов, что сам Верховный понтифик Григорий XIII, желая испытать духа некоей девы (по имени Орсола Бенинказа, которая в те дни прибыла из Неаполя в Город, окружённая молвой о её святости), посчитал, что никто для этого не подходит лучше Филиппа.

Итак, приняв на себя заботу о ней, святой муж прежде всего в течение нескольких месяцев упражнял её в смирении и умерщвлял в ней гордыню (*mortificationem... ehexcui*), показывая, что её чрезвычайно частые экстазы и видения ничего не значат. Более того, он приказал ей воздерживаться от Причастия Таин Тела Христова в течение длительного времени. Наконец, после продолжительного испытания, убедившись, что дух её – от Бога (ср. 1 Ин. 4:1), он доложил обо всём Понтифику.

Когда сия дева собиралась покинуть Город, он поддержал её своевременными советами, обезопасив и защитив её ими от вражеских козней на узкой стезе спасения, а многим из своих учеников засвидетельствовал, что Господь ведёт её таким путём из-за её исключительной душевной чистоты и склонности к уединению. Итак, по возвращении в Неаполь Орсала, памятуя наставления Филипповы, со страхом и трепетом совершала своё спасение (ср. Флп. 2:12) и часто говорила, что никто никогда не узнал её так хорошо, как Филипп. Наконец, прославившись многими добродетелями, она преставилась ко Господу в шестнадцатый день до февральских календ (17 января) в год искупления мира 1618-й.

Сиенец Артемио Ваннини, священник, примечательный своим безупречным нравом и учёностью, во время молитвы испытывал некие удивительные озарения духа, но, уразумев, что сие весьма подозрительно и опасно, стал советоваться с самыми благочестивыми и добронравными мужами. Однако лишь Филипп оказался тем, кто разоблачил все хитрости и скрытые ловушки врага, указав Артемио царский путь духа.

[464] Для испытания духов блаженный отец использовал умерщвление гордыни (*mortificatione*), словно бы пробирный камень, ибо считал, что без сего невозможно достичь святости жизни и нравов.

Альфонсо Люпо, о котором мы уже упоминали выше, собираясь проповедовать народу, в уединении размышлял о том, что ему предстояло сказать. Тут неожиданно к нему нагрянул Филипп и, уставившись на него с суровым выражением лица, сказал: «Не ты ли тот самый Люпо, знаменитый проповедник, который, возгордившись от мирских похвал, считает себя куда более великим, чем есть на самом деле? И кто попусту кичится тем, что восходил на первейшие кафедры

христианского мира? Неужто ты и вправду думаешь, что в Италии не хватает проповедников, превосходящих тебя и учёностью, и благочестием?» Филипп так на него напустился, к сим словам добавив ещё поувесистее, что все присутствующие прямо оцепенели, однако Люпо ничуть не рассердился, но, будучи кроток и смирен сердцем, тотчас бросился к стопам блаженного отца и, обливаясь слезами, от души воскликнул: «Как ты верно, отче, сказал обо мне!» Тогда святой, прояснев челом, с присущей себе мягкостью и весельем обнял и поцеловал его, сказав: «Теперь иди и, как обычно, проповедуй народу Евангелие Христово, а за меня молись Богу». Промолвив сие, он сразу ушел, ибо отлично знал, сколь великую перед Господом пользу принес этим и Люпо, и себе самому.

[465] Была некая Антония, принадлежавшая к числу тех, кого называют терциарками Ордена Св. Франциска. Она была слепа на оба глаза и прикована к постели из-за затяжной болезни, а молва о святости её уже достаточно широко разошлась по Городу.

Итак, зашёл к ней однажды Филипп вместе с несколькими своими учениками и, желая испытать её дух, подверг её смирение разным проверкам (*mortificationibus*). Наконец, явственно убедившись в её добродетели, он захотел и другим показать, сколь глубоко и остро прозревает слепая дева. Для этого, незаметно подозвав к себе одного из присутствующих – некоего священника, недавно приехавшего из Флоренции, – он велел ему опуститься на колени перед лежащей в кровати Антонией и молвил: «Антония, помолимся Господу за этого беднягу!» А она, протянув десницу, схватила священника за руку и, почтительно поцеловав её, произнесла: «Это священник, и он сегодня утром совершал мессу; так что это я нуждаюсь в его молитвах и от всего сердца вверяю себя ему». Тогда-то Филипп, не промолвив ни слова, удалился.

[466] В Городе был ещё некто, тоже терциарий Ордена св. Франциска, который за свою высочайшую любовь к ближним и необычайно строгую жизнь пользовался великой славой – все считали его святым. Со своей стороны Агостино, кардинал Кузано, тогдашний покровитель того же ордена, отправил сего человека к блаженному отцу с просьбой оценить и внимательно изучить его духовное состояние.

Итак, увидев его, отец с некоторым хмурым пренебрежением молвил: «Что это за человек?» Затем велел принести шкатулочку, полную медяков, и предложил ему взять сколько захочет. А гость, хоть и казалось, что готов алчно схватить их все, в конце концов взял только одну. Святому мужу сие весьма понравилось, но, осмотрительно утаив свои чувства, он молвил: «Наверняка он ищет скорее пищи, чем денег. Принесите сюда хлеба!» Как только тот увидел хлеб, тут же схватил кусок, но затем убрал в сумку. Тогда отец спросил его, по какому уставу он подвизается и какого держится образа молитвы. Гость же, клацнув зубами, хлопнув в ладоши и постукав ногой о ногу, ответил, что лишь один этот способ молитвы и знает. Сии слова весьма возвеселили святого, тем не менее, сделал вид, будто презирает сего человека, он тотчас же его прогнал. Когда тот ушёл, Филипп поведал: «Поистине сей старец стяжал покаянный дух умерщвления гордыни».

Позднее он ещё навещался к отцу, и тот частенько многократно подвергал его испытаниям, а убедившись в его постоянстве, многим хвалил его за простоту нрава и чистоту.

[467] Далее, он постоянно давал те или иные спасительные наставления духовным руководителям; а прежде всего настоятельно увещевал священников, сосредоточивших свои усилия на таинстве исповеди, не пытаться вести своих духовных чад к поприщу благочестия тем же путём, каковой прошли сами, ибо сие часто может причинить им большой вред и ущерб. Помимо того, не позволять кающимся делать всё, что им вздумается, ибо стоит порой сдерживать их (пускай целью их устремлений и является добродетель), ибо сие потребно как для отдохновения их духа, так и для обуздания их разума и воли.

Ещё один его совет заключался в том, что кающиеся не должны по незначительной причине оставлять однажды избранного исповедника, а священники – запросто принимать чужих кающихся, но как можно скорее отсылать их к их собственным исповедникам (если только важная причина не вынуждает поступить иначе), что он обычно сам и делал – ради примера для других. По этой причине он строго-настрого приказал Неро дель Нери, которого особо любил, не отпускать некоего инокa из ордена Сервитов Пресвятой Марии, у которого тот принимал исповеди.

[468] Об этом же оставил яркое свидетельство Пеллегрино Альтобелло, римский священник и каноник церкви Св. Марка. Молвил он так:

«Поскольку Город переполнялся молвою о святости Филиппа, я чрезвычайно сильно желал войти в его близкое знакомство. Итак, когда отец Джанфранческо Бордино, который был моим исповедником, отправился в Польшу вместе с кардиналом Ипполито Альдобрандини, который впоследствии, возведенный на папский престол, получил имя Климент, я избрал Филиппа своим духовным отцом и в дальнейшем, пока он был жив, близко общался с ним, хотя на исповедь ходил к нему не всегда. Но в тот самый год, когда Бордино ездил в Польшу, я уже после его возвращения пал к ногам блаженного мужа, чтобы очистить свою совесть, а он поведал мне: «Видал ли ты своего отца?» Я ответил: «Нет». А он мне: «Ныне тебе следует вернуться к нему». И хотя я снова и снова просил его выслушать мою исповедь, он повторял: «Так подобает поступить».

Так сказал Альтобелло.

[469] А больше всего ему нравилось, когда муж и жена (только если они делают это добровольно и охотно) ходили к одному и тому же исповеднику, ведь так куда проще добиться мира и согласия между ними.

Святой муж кроме того учил, что если кто-нибудь изрядно продвинется на духовном пути к добродетели, а затем вдруг из-за чего-то тяжко падёт, то для его спасения нет более подходящего средства, нежели прямодушно открыть своё падение какому-нибудь мужу святого и честного жития, ибо только так его можно вернуть на путь спасения без каких-либо трудностей.

Тех же, кто трудился на поприще выслушиваний исповедей, он настоятельно увещевал не позволять своим духовным чадам предаваться любым подвигам, которые те хотели бы совершить в порыве пыла духовного: именно так [через

умеренность в подвигах кающиеся] становятся сильнее и усерднее в стремлении к добродетели, а в противном случае, изнемогши душою и поддавшись унынию, они запросто могут отказаться своих начинаний.

Кающимся же он в свою очередь объяснял, что никоим образом нельзя навязывать свою волю духовнику или подталкивать его в сторону, куда он сам не склоняется; и даже в его отсутствие следует принимать во внимание его намерения и поступать так, как если бы он находился рядом и давал указания. К тому же без его совета отнюдь не следует приступать к бичеваниям и другим телесным подвигам; если же кто по собственной воле и необдуманно осмелится сделать это, то несомненно либо захворает, либо с лёгкостью впадёт в гордыню и самомнение.

[470] Ещё Филипп очень не одобрял, когда кто-либо давал Богу обеты без совета с духовным отцом, и сам, когда порой ученики о том просили, не склонен был сие позволять, памятуя Экклезиастово речение: «Лучше тебе не обещать, нежели обещать и не исполнить» (Еккл. 5:4).

Не был он также склонен позволять кому-либо менять жизненное поприще, но горячо советовал каждому оставаться в том звании, в котором он был призван (1 Кор. 7:20), лишь бы только удавалось вести жизнь, не оскорбляя Бога. Ибо он утверждал, что даже среди людской толпы можно трудится над христианским совершенством, и ни ремесло, ни промысел, ни труд не представляют собой никакого препятствия в служении Богу.

Итак, хотя (как мы уже говорили) он направил бесчисленных сынов своих в различные иноческие ордены, тем не менее горячо желал, чтобы каждый упражнялся в добродетели у себя дома и в семейном кругу, и он запрещал многим придворным, которые вели благочестивую и похвальную жизнь, отказываться от своего образа жизни, говоря время от времени, что тому, кто переходит от плохого состояния к хорошему, не нужно совета, а тому, кто восходит от хорошего к лучшему, требуется время, совет и молитва, ведь не то, что само по себе лучше, является лучшим для каждого: так, хотя иноческие установления и более возвышенны, они не всем подходят. Поэтому, когда он видел, что кто-то призван Господом к подвижанию в каком-либо ордене и имеет к тому задатки, он всемерно побуждал его к этому, но когда замечал, что дело обстоит иначе, отнюдь не легко было получить от него согласие на уход в монашество.

[471] Он учил, что тому, кто желает сохранять мир и согласие с ближними, обязательно следует соблюдать осторожность и не обращать внимания на природные недостатки, замечаемые в других. А вышестоящих надлежит обличать не с вызывающей прямоотой, но словно бы обиняками, как, по преданию, Нафан поступил с Давидом. Если же по их вине порой кому-нибудь выйдет неприятность, следует перенести её с полнейшим спокойствием, сохраняя обычное выражение лица и хорошее настроение, ибо таким образом вскоре восстановится благосклонность, а всякое подозрение на враждебность исчезнет.

Женщин он, следуя слову апостольскому, увещевал заниматься домашним хозяйством и не выходить на люди просто так. Поэтому, когда Филипп стал превозносить Марту Сполетанскую, женщину, прославленную святостью жизни и нравов, а некоторые из его учеников спрашивали, почему он так её чтит, святой

ответил: «Потому что она прядет шерсть». Он имел в виду слова из Притчей: «Протягивает руки свои к прялке, и персты её берутся за веретено» (Прит. 31:19). Причём она была предана Филиппу до чрезвычайности, и когда приезжала в Город, тотчас мчалась к нему и, пав к стопам его, смиренно просила помолиться за неё Господу. А всякий раз, когда она взирала на слугу Божия (ибо среди прочих даров она стяжала способность видеть красоту душ), то охватывало её столь глубокое восхищение, что она казалась вне себя.

Многое ещё можно было бы добавить из подобных наставлений Филиппа, но, поспешая к другим предметам, мы вынуждены от сего отказаться.

ГЛАВА XXXI. КАК ФИЛИПП ИСЦЕЛЯЛ ОДЕРЖИМЫХ, ЯВЛЯЛСЯ ЛЮДЯМ В ОТДАЛЕНИИ, ВОСКРЕШАЛ УМЕРШИХ

[472] Хотя казалось, что Филиппу было не особо свойственно изгонять злых духов, однако сей поистине преславный дар Господь уделил ему тоже, дабы он освободил многих, жестоко мучимых бесами.

Некую девушку по имени Катарина привезли из кампанской Аверсы в Город как раз для того, чтобы Филипп своими молитвами и заступничеством изгнал из неё беса. Причём несмотря на полную безграмотность она говорила по-гречески и по-латыни так, словно бы долго зубрила эти языки в университете. Помимо того её тело обладало такой силой, что её не могли удержать руками даже несколько крепких и сильных мужчин. Всякий же раз, как блаженный отец приказывал привести её к себе, она, даже если находилась далеко, сразу это чувствовала и восклицала: «О, меня вызывает тот священник!», - после чего убегала и пряталась в укромных уголках дома, и её в итоге с огромным трудом удавалось затащить в церковь. Итак, однажды, когда её привели в храм св. Иоанна Флорентийского, Филипп, сжалившись над горем её родителей и самой девушки, не прибегая к обряду изгнания, предался молитве. И в тот же миг она почувствовала, что освободилась от нечистых духов, и с тех пор никогда более не испытывала от них ни малейшего беспокойства.

[473] Лукреция Котта, римлянка, целых восемь лет страдала от порчи, из-за которой её глаза достожалостным образом искажались, а порой она даже полностью лишалась зрения. К тому же порой ей чудилось, будто сердце её вот-вот вырвется, и при этом она колотилась всем телом так сильно, что даже несколько женщин, прижимавших ей грудь, никак не могли подавить эту тряску, и казалось, что она вот-вот испустит дух. Итак, когда она, лишившись от столь страшных мучений способности спать и есть, уже исхудала до костей, то направилась к Филиппу, дабы приступить к таинству исповеди. Увидев же её, он, движимый состраданием, велел ей встать на колени, а когда она повиновалась, положил одну руку ей на сердце, а другую – себе на глаза и полчаса с глубоким сосредоточением молился Богу, и в это время женщина почувствовала, как мучительное сердцебиение полностью её оставило.

Когда немного позднее она снова зашла к святому, он, увидев, как плохо у неё с глазами, молвил: «Не бойся, дочка, я попытаюсь стяжать для тебя исцеление и от этой болезни тоже». Итак, когда она снова пришла к нему на исповедь, Филипп

возложил ей руки на глаза, а затем отдернул. Она же при этом громко воскликнула: «Ой-ой! отче, ты меня совсем ослепил!» А святой, улыбнувшись, ответил: «Не бойся, не ослепнешь». Через час (дивное дело!) словно бы некая пелена спала с её глаз, зрачки вернулись на место, и зрение тут же к ней возвратилось. С тех пор глаза её больше не беспокоили, и она даже вышивала тончайшие узоры иглой.

[474] Из Германии в Город прибыла чрезвычайно знатная женщина, жестоко мучимая бесом. Однажды родственники привели её в храм Святого Креста Иерусалимского, чтобы из неё изгнали беса в торжественном церковном обряде, а по велению Отто Труксessa, кардинала Аугсбургского, там присутствовал и Филипп с несколькими своими учениками. Итак, когда представили на всеобщее обозрение древо Святейшего Креста и другие хранившиеся там реликвии, женщина испытала тяжелейшие мучения. И хотя многие из находящихся там подумали, что бес изгнан из неё, выяснилось, что он на самом деле и не думал уходить. Поэтому все в один голос стали умолять Филиппа оказать помощь несчастной. Скрепя сердце, он подошёл к одержимой и заставил беса назвать день, когда он наконец-то уйдёт. Затем уж, обратившись к присутствующим, он поведал: «Знайτε же, что эта женщина сейчас не могла освободиться из-за неверия одного из вас, но в названный день сие точно свершится». И не вотще прозвучало сие обещание, ибо в предознаменованное время в храме Св. Марии у Мучеников диавол окончательно покинул одержимую, дав ей свободу к радости её родных, которые вскоре увезли её обратно домой целой и невредимой.

Однажды святой муж вместе с Пьетро Виттричи вошёл в Латеранскую базилику, где как раз выставили на обозрение пред огромным стечением люда главы свв. апп. Петра и Павла в серебряных ковчегцах. И тут вдруг некая бесноватая начала кричать и выть, а Филипп, высмотрев её, схватил её за волосы и, плюнув ей в лицо, спросил: «Узнаёшь меня?» А она ему: «Уж лучше бы я тебя не знала!» В тот же миг она упала полумёртвою наземь и освободилась от злокозненного духа. А поскольку на сие зрелище вмиг собралась целая толпа, слуга Божий, всячески стараясь избежать славы, тут же вырвался наружу из храма.

[475] Причём такова была его сила над бесами, что если вдруг кто-либо, одержимый ими, не мог приступить к святой исповеди или причастию, Филипп своей властью тотчас повелевал ему немедленно совершить это таинство – свободно и беспрепятственно. Поэтому, когда в наш храм пришла женщина, одетая в монашеское облачение (она была одержима, хотя никто из наших этого не знал), и приблизилась к алтарю, но из-за противодействия беса отказалась принять Евхаристию, Филипп, прозрев сие не столько глазами, сколько духом, поспешно встал со стула, сидя на котором тогда как раз выслушивал исповеди, и возложил ей руку на голову. После этого несчастная тотчас пришла в себя и без всякого сопротивления приняла всесвятое таинство Евхаристии.

Нечто довольно похожее произошло с ним в том же храме. Однажды туда явились две бедные старушки, и одна из них сказала какому-то клирику из числа наших: «Прошу тебя, позови нам святого отца». Хотя тот возразил, что оный отец, изнурённый летами, едва ли сможет спуститься, она снова и снова умоляла обязательно вызвать его, чтобы исповедал её спутницу, одержимую бесом. И хотя тот по-прежнему отказывался, она так настойчиво молила и заклинала, что клирик,

уступив её просьбам, пошёл к святому и поведал: «В храм пришла какая-то одержимая, которую злой дух удерживает от святой исповеди и причастия, а потому не затруднит ли вас спуститься к ней?» Тогда слуга Божий молвил: «Гони её, что мне до одержимых?!» Однако же, немного помедлив, он, движимый состраданием, добавил: «Иди, скажи ей, чтобы она подождала меня». Затем, придя в храм, он направился к месту, где обычно выслушивал исповеди; и при виде его бесноватая тотчас же взбудоражилась, так что повели её к Филиппу не без силы и угроз. Тогда святой со спокойным выражением лица молвил: «Преклони здесь колени!» Услышав сие, женщина без всякого возражения повиновалась и, свершив таинство исповеди, приняла всесвятое Тело Христово из рук самого Филиппа, что и впоследствии часто делала в его присутствии.

[476] Поскольку же надменный и зловредный [враг] не мог вынести власти и могущества Филиппа, то всякий раз, когда он был принуждён подчиниться его воле, открыто выказывал своё негодование против него.

О. Джанантонио Луччи (о чём мы упоминали выше) отчитал бесноватую и по приказу блаженного отца высек её к вящему унижению [диавола]. На это бес так крепко озлился, что на следующую ночь бросался на Филиппа в ужасном обличье, грозя ему множеством страшных [кар] за то, что тот так его оскорбил; наконец, уходя, он наполнил всё вокруг крепким смрадом.

Но особенно, видимо, тяжело было [диаволу], что слуга Божий, когда к нему приходили с просьбой отчитать одержимого, поручал это дело своим духовным сыновьям, ибо считал его срамом и унижением для себя. Поэтому однажды он отправил некую девицу к Джамбаттисте Бониперти, канонику Новарскому и своему духовному сыну, чтобы тот изгнал из неё беса, и вот он, завершив обряд, вечером возвратился домой, а когда, взобравшись на скамью, забивал гвоздь в стену, скамья опрокинулась, и он едва не лишился жизни, когда ударился головою оземь. А в тот миг, когда это произошло, сам бес устами одержимой поведал: «Я думал, что убил его».

[477] И хотя Бог дал ему силу и власть надо всеми бесами, однако он редко и почти исключительно под принуждением брался за отчитку одержимых. Ибо он молвил, что в этом деле не следует быть слишком доверчивым, поскольку некоторые необычные явления часто происходят не от бесов, а от болезненной меланхолии, помутнения ума и других подобных причин, а у женщин – от сильной впечатлительности воображения, а также от различных душевных и телесных недугов, а нередко и от зловредности, в силу коей которой они по разным причинам притворяются бесоодержимыми.

Поэтому, когда к о. Никколо Джильи привели девушку, которую все родственники считали истинно одержимой (ведь она переворачивала весь дом, крича, круша и раскидывая всё, что попадалось ей под руку) и когда об этом доставили весть Филиппу со смиренной просьбой помочь несчастной, он спустился к ней и с первого взгляда понял, что она отнюдь не одержима бесом, а безумствует не по принуждению, но по собственной воле. Поэтому, призвав её брата, он сказал, что если тот хочет, чтобы его сестра была здорова и свободна, то впредь всякий раз, как она начнёт безумствовать и буянить, он должен крепко её выпороть – при таком

«лечении» она всенепременно выздоровеет. Так и было сделано: и когда брат начал пороть мнимую одержимую, она тотчас выдала причины своего «безумия».

Однажды привели к святому мужу другую [якобы бесноватую], весьма похожую на эту. Присмотревшись к ней, Филипп молвил: «Она вовсе не одержима», и впоследствии стало совершенно ясно, что, как Филипп сказал, так оно и было.

[478] Другую такую же, по имени Сидера, родственники привезли из Сабины в Город на отчитку в обряде бесоизгнания, поскольку она казалась всем по-настоящему одержимой. И вот однажды, когда те же родственники решили отвести её на торжественное благословение у Верховного Понтифика, она бросилась в колодец, но сбежавшаяся толпа тут же её оттуда извлекла. Затем её многократно отчитывали несколько экзорцистов, тяжело измучили как бичеваниями, так и окуриваниями и, наконец, привели к блаженному отцу. А он, вознеся молитву к Богу, без обиняков сказал её родственникам: «Она, безусловно, не одержима, а слабоумна, поэтому её следует терпеливо переносить и не истязать более». Ну и впоследствии стало совершенно ясно, что, как сказал Филипп, так на самом деле и есть.

Вот по каким причинам святой муж увещевал своих духовных сынов избегать в таких вопросах легковёрности и не свершать над женщинами обряда бесоизгнания, кроме как публично, дабы не навлечь на себя серьёзных неприятностей.

[479] Сверх того Господь ещё в земной даровал жизни Филиппу особую способность являться в видимом облике многим, находящимся на отдалённом расстоянии, и оказывать помощь тем, кто находился в опасности.

Некий пресвитер из числа наших очень боялся впасть грех при исполнении одного задания, порученного ему слугою Божиим. Сильно терзало это его душу, и вот, заснувши ночью в Валличелльской обители, он услышал, как двери его комнаты внезапно открылись, хотя были крепко-накрепко затворены. Итак, пробудившись ото сна, он разглядел сквозь темноту, как входит к нему Филипп (а он тогда жил в обители Милосердия) со словами: «Как у тебя дела?» Тот ответил: «Худо», ибо тяжело страдал душою. Тогда Филипп, вытянув правую руку, оградил его крестным знаменем и молвил: «Не сомневайся». Сказав это, он исчез, и все волнения священника внезапно унялись.

[480] Некий юноша, решив поехать в Неаполь, открыл свой замысел блаженному отцу, ибо вверился под его руководство. Отец не одобрил сей затеи, заявив, что в путешествии ему грозит опасность либо на море, либо от турок. Но тот, упорствуя в своём мнении, отправился в путь. И вот во время плаванья он внезапно заметил, что [к кораблю] приближаются турецкие [суда], грозя нападением, отчего многие из его спутников бросились в море, за коими и он сам тотчас последовал, кинувшись в волны, но поскольку плавать не умел, то сразу же погрузился в пучину. Итак, видя, что смерть близко и памятуя то, что недавно слышал от святого отца, он смиренно просил его о помощи. И в тот же миг (дивное дело!) Филипп явился ему, молвил обычным своим голосом: «Не бойся!», – и, схватив его за руку, вывел на берег.

[481] Марчелло Ферри (многократно в других местах упомянутый) путешествовал из Египта в Италию на торговом корабле, который, проходя мимо Кипра, внезапно угодил в засаду и был захвачен пиратами, которые затем тотчас заковали

захваченных купцов в цепи. Видя сие, Марчелло, поражённый страхом, взмолился к Богу, чтобы Он по заступничеству Филиппа вывел его невредимым из столь великой опасности. Едва он вознёс эти молитвы, как вдруг ему показалось, что он видит блаженного отца и слышит голос его, произносящий с величайшей нежностью: «Не сомневайся, уповай на Бога и в плену не останешься!» И именно так всё вышло. Ибо когда пираты вознамерились после остальных заковать в цепи также его, капитан христианского корабля молвил: «По что вам заковывать этого несчастного старика?» На это слово варвары, сверх всякого обычая и ожидания растрогавшись, отпустили его на свободу. Так вот, когда он наконец прибыл в Город, то узнал, что в то самое время, когда он вверил себя Богу и молитвам блаженного отца, Филипп сказал нескольким из наших: «Нужно помолиться за Марчелло Ферри, ибо он в большой опасности».

[482] Костанца дель Драго, о которой мы упоминали выше, осерчала на кого-то из своих родственников и перестала с ним общаться. Когда ж миновало три или четыре дня, а она не переставала сердиться, на рассвете, когда она дремала, находясь в состоянии между сном и бодрствованием, почувствовала, что её ударили. От этого она тотчас же пробудилась и услышала, как блаженный отец говорит ей: «Доколе же продлится твоя злость?» Это перепугало Костанцу, и, как только рассвело, она направилась к Филиппу. Очистив совесть [в таинстве исповеди], она сообщила святому о случившемся, но он ничего ей не ответил, будто был совершенно не осведомлён о такого рода событии.

Слуга Божий назначил Лукреции Джолии (жене Джованни Анимуччи, женщине исключительного благочестия) время для молитвословия днём и ночью, велел ей вставать в определённый час ночи для размышления. Но поскольку она, разоспавшись, часто сим пренебрегала, то однажды отец попенял ей и молвил: «Если не образумишься, я сам тебя стану в дальнейшем будить!» И это были не пустые слова. Всякий раз, как она позволяла себе подольше поспать, ясно слышала голос Филиппа: «Лукреция, вставай!» Когда же она приходила к нему очистить совесть, он молвил: «Ну как тебе моя побудка нынче ночью?»

[483] Цезарь Бароний тяжело болел и был при смерти в обители [при церкви св. Иоанна] флорентинской общины и, будучи помазан святым елеем, уже лишился жизненных сил и в любой миг мог испустить дух. Забывшись на краткое время сном, он вдруг увидел блаженного отца (который тогда находился в обители Милосердия). [В видении святой], смиренно припав к стопам Христа Господа и Его Пресвятой Матери, просил у них исцеления для него следующими словами: «Подари мне Цезаря, Господи; верни его мне; так я желаю, так я хочу». А когда Христос отказал, Цезарь увидел, как святой муж, обратившись к Богородице, молил и упрашивал Её, да соизволит добиться сего от Своего Сына. Наконец он уразумел, что по Её милостивому заступничеству просьба была услышана, и в тот же момент проснулся с твёрдой верой, что отнюдь не умрёт от сего недуга.

Когда затем его навестил Филипп, он рассказал ему обо всём и много благодарил. А святой, скромно умолчав об оказанном со своей стороны благодеянии, молвил: «Слишком опасно доверять снам, – и добавил. – Так что будь готов [принять] волю Божию». Вскоре, однако, выяснилось, что это был отнюдь не пустой сон, ибо в тот же день Цезарь так резко пошёл на поправку, что врачи, которые недавно отчаялись

было в нём, оставили всякий страх, но утверждали, что сие неожиданное выздоровление следует приписать молитвам и заступничеству Филиппа. Поэтому сам Бароний не раз засвидетельствовал в своих «Анналах», что обязан своей жизнью и учёностью блаженному отцу.

[484] Маттиа Маффеи, о котором мы ранее упоминали, страдал от тягчайшей болезни, и все врачи уже отчаялись в его выздоровлении. Филипп навестил его и принёс с собой две раки со святыми мощами и поведал больному: «Не сомневайся, уповай, что по милости Иисуса Христа ты выздоровеешь от этой болезни». Затем он возложил десницу ему на сердце, осенил его крестным знамением и ушёл. Той же ночью больной услышал, как Филипп трижды громко крикнул ему: «Встань». Пробудившись из-за этого ото сна, он тотчас почувствовал, что выздоровел, а через два дня свободно встал с постели.

Некто другой, духовный сын Филиппа, по свидетельству кардинала Федерико Борромео, глубокой ночью устрасился ужасным видением. Ему привиделось, будто некий огромный зверь залёг у него при ложе, пугая его диким взором и свирепым оскалом. Итак, долго промучившись, он наконец проснулся, причём у него всё болело, будто его жестоко избили. В конце концов утром он пришёл к Филиппу и всё рассказал. На что святой ему молвил: «Знай, что я был с тобой этой ночью и сражался за тебя. Причём видение сие Бог послал тебе по определённой причине, и я сам вымолил его».

[485] Пьерфранческо Джусто, флорентинский священник и аббат, весьма близкий друг блаженного отца, в течение двух лет так тяжело страдал от ревматизма (*pituitoso morbo*), что едва держался на ногах и нуждался в помощи нескольких человек, чтобы передвигаться. Итак, испробовав все возможные способы лечения своей опасной и, по мнению врачей, неизлечимой болезни, он покинул Город в надежде, что поможет более здоровый воздух, но тщетно, так что по совету тех же врачей он вернулся в Город. Однако и здесь он не почувствовал никакого облегчения, а, напротив, с каждым днём ему становилось всё хуже. Итак, он от всего сердца молил Бога положить в конце концов предел всенесчастной сей жизни, ведь он был так истерзан острыми болями, что чрезвычайно часто терял сознание.

Между тем некий священник – один из наших – пришёл к нему и сообщил, что вечером прибудет Филипп. А он умолял, чтобы тот не делал этого, поскольку лютовала зима, и всё покрыл снег. Итак, промаявшись жесточайшими болями от ужина до полуночи, он, наконец, заснул от крайнего изнеможения.

И вдруг явился ему во сне блаженный отец и крепко обхватил ладонями его голову; от этого он не без страха проснулся, ибо не мог понять, как тот смог проникнуть в комнату, когда двери были закрыты и заперты. Затем святой спросил: «Как себя чувствуешь?» А Пьерфранческо, хоть сначала не мог вымолвить ни слова, однако, немножко собравшись, он всеми возможными способами молил о спасении. Тут Филипп, сложив ладони крестообразно, постоял, а затем молвил: «Встань». На это слово больной встал с постели (чего прежде не мог сделать в течение многих месяцев). А святой ему: «Разве не видишь, что тебе не так уж худо, как думаешь?» И тотчас исчез из его глаз, оставив его здоровым.

[486] Джованни Анимучча, о котором мы упоминали в другом месте, отправился в Прато, некогда достоправная тосканская крепость (oppidum), недавно возведённая до ранга полноценного города (civitatem), и там посетил Екатерину Риччи Флорентийскую (св., пам. 2 февр.), из числа инокинь св. Доминика, деву замечательной святости. Когда же зашёл разговор о Филиппе, Анимучча спросил её, видела ли она его когда-либо. На сие дева ответила, что никогда его не видала, а лишь до слуха её дошла молва о его святости, хотя и повидать его, и поговорить с ним ей было бы чрезвычайно желательно.

А на следующий год, когда Анимучча снова пришёл к ней, она без обиняков сказала ему, что видела Филиппа и разговаривала с ним, хотя ни Филипп из Рима, ни Екатерина из Прато никогда и шагу не ступали. Когда затем Анимучча вернулся и рассказал об этом Филиппу, тот вполне откровенно подтвердил это. Мало того, в год спасения нашего 1590, когда святая дева уже преставилась ко Господу, он при многих слушателях недвусмысленно засвидетельствовал, что видел её, когда она была жива, и подробно описал все черты её, которые не мог знать (что мы уже говорили) – разве что по божественному откровению.

[487] Помимо всех милостей, ниспосланных ему свыше, Филипп удостоился благодати, именуемой даром чудотворений, коими он необыкновенно просиял как при жизни, так и по смерти. Ведь он не только возвращал здоровье больным, страдавшим от различных недугов, но и воскрешал мёртвых, рассказом о чём мы здесь и ограничимся. Прочие же многочисленные чудеса, совершённые им, мы отложили на конец жизнеописания, где каждому будет удобнее и сподручнее прочесть о них.

Фабрицио де Массими, о котором мы не раз упоминали, прижил пятерых дочерей от своей жены Лавинии де Рустичи, а когда она [снова] собиралась родить, Фабрицио с великой настойчивостью просил Филиппа молиться за неё. А святой немного помолчал, а затем молвил: «Жена твоя на сей раз родит мальчика (ср. Лк. 1:13), причём я хочу, чтобы ему нарекли имя по моему выбору. Не возражаешь?» Фабриций согласился. Тогда Филипп продолжил: «Ну тогда имя ему будет Паоло». И это имя святой ранее неоднократно предсказывал ему. Итак, Фабрицио возвращается домой, а ему навстречу выходит слуга и возвещает, что у него родился сын – коего Фабрицио, памятуя своё обещание, велит назвать Паоло.

Позднее, когда Лавиния умерла, Паоло, достигнув четырнадцати лет, заболел лихорадкой. Болезнь мучила его шестьдесят пять дней без перерыва, но отнюдь не истощила его терпения, так что, когда Джерманико Фидели спросил его, не пожелал бы обменять свою болезнь на его здоровье, тот ответил: «Ну уж нет; моя болезнь куда как дорога мне!»

Однако недуг день ото дня усиливался, и вот Паоло оказался на грани кончины. Поскольку же Филипп, который ежедневно приходил к нему, строго-настрого наказал домашним срочно его известить, когда юноша будет при смерти, то к нему послали с вестью, что Паоло вот-вот испустит дух. Но как раз тогда человек Божий священнодействовал в церкви св. Иеронима...

[488] Тем временем юноша ушёл из жизни; его отец сам закрыл ему глаза, а приходской священник, совершив над ним последние обряды, удалился, и всё уже

готовили к погребению. Через полчаса явился Филипп и, поднимаясь по лестнице, натолкнулся на Фабрицио, который со слезами на глазах молвил: «Паоло умер». На что святой ему: «Почему вы не послали за мной?» А он возразил: «Мы посылали, но ты как раз тогда служил литургию». Услышав сие, блаженный отец вошёл в комнату, где лежал умерший, и, простершись у подножия кровати, долго молился, сотрясаемый свойственной ему дрожью. Затем он окропил лицо юноши святою водой, влил оной немного ему в рот и, наконец, возложив ему руку на лоб, громким и повелительным голосом воскликнул: «Паоло, Паоло!» А тот внезапно, словно бы пробудившись ото сна, открыл глаза и ответил: «Отче...» И тут же добавил: «Я хочу лишь одного: исповедаться». Тогда святой, уединившись с Паоло, выслушал его и вручил ему образ Распятого. Когда затем вернулись те, кто только что вышел, Филипп завёл с юношей речь о его матери Лавинии и сестре, что ещё прежде ушли из жизни, каковая беседа продлилась с полчаса. Паоло разговаривал, как человек здоровый и полный сил, а его лицо являло столь живые краски, что любому, кто глянул бы на него, могло показаться, будто он ничем доселе и не болел. Наконец, после долгого разговора, блаженный отец спросил его, готов ли умереть. А тот ответил, что сделает сие с величайшей охотою, особенно в надежде увидеть в Раю мать и сестру свою. Тогда святой благословил его и поведал: «Счастливого же тебе пути – и моли Господа за меня!» После этих слов Паоло в полнейшей безмятежности заснул, а затем испустил дух в объятиях блаженного отца. Свидетелями сего зрелища стали как сам Фабрицио, так и две его дочери, а также вторая жена его – Виоланта Сантакруча, некая служанка и другие.

[489] Поскольку же [способность] повелевать смертью выглядит не менее удивительно, чем [мощь возвращать к] жизни, Филипп получил от Господа власть и над смертью, что, правда, уже и так очевидно из того, что мы только что рассказали, однако с совершеннейшей очевидностью сие проявилось в том, что мы сейчас сообщим.

Некая весьма знатная женщина в Городе тяжело болела, а Филипп постоянно её навещал. Когда же из-за затяжной болезни она оказалась на краю могилы, блаженный отец вновь пришёл к ней, всеми возможными способами ободрял и укреплял её, пока, наконец, намереваясь вернуться в Валличеллу, не ушёл. Однако, пройдя часть пути, он внезапно остановился и без обиняков сказал сопровождавшим его: «Что-то я чувствую побуждение вернуться к этой больной». Сказав сие, он пришёл к ней, а дамам, которые находились при ней и за нею ухаживали, велел удалиться. Затем, возложив руки на её голову, произнёс: «Приказываю тебе, душа, во имя Божие, как можно скорее выйти из этого тела». И не успел святой докончить сих слов, как она испустила дух. После слуга Божий объяснил свидетелям чуда, что эта женщина, если бы не преставилась быстро, могла запросто впасть в искушение, а поэтому он вымолил ей у Господа скорую кончину.

ГЛАВА XXXII. О ТОМ, ЧТО ВСЕ ПОЧИТАЛИ ФИЛИППА СВЯТЫМ

[490] Итак, украшенный сими добродетелями и дарами, Филипп будил в людях такое удивление, что все, кто его хоть слегка знал, почитали его за мужа величайшей святости. Поэтому люди всех сословий, и даже Верховные понтифики, восхищались им и смотрели на него почти как на сверхчеловека.

Павел IV хорошо зная (как мы уже говорили) его святость, так чтит его, что посылал к нему гонцов с просьбами о молитвах и извинялся за то, не мог присутствовать на упражнениях Оратория, поскольку препятствовали ему в том обязанности перосвященника.

Пий IV всегда относился к нему с великим почтением и, лёжа на смертном одре, пожелал, чтобы он побыл рядом, всей душой уповая на его молитвы и заступничество.

Бл. Пий V, святейший понтифик, тщательно изучив упражнения Оратория (о чём мы многократно упоминали) и весьма одоблив их, говорил, что очень рад иметь в Городе людей, которые воспламеняют в душах благочестие и пробуждают ближних к приятию Божией благодати, как это делал Филипп. А святой муж точно так же считал святым сего понтифика, чью красную бархатную туфлю с великим благоговением хранил и иногда брал с собой, посещая болящих. Однажды даже произошло примечательное событие: когда он явился к некоей больной и, излив к Богу молитвы, коснулся поражённой части тела той самой туфлей, она тотчас же исцелела.

[491] Григорий XIII не только высоко ценил его благоразумие и советовался с ним по важнейшим вопросам, но и сверх того так благоговел перед его святостью, что даже в самое неподходящее время допускал его к личной беседе, и приказывал ему сидеть в своём присутствии с покрытой головой, и обращался с ним куда доверительнее, чем с кем-либо из своей свиты.

Сикст V так высоко ценил святое житие блаженного отца, что (как было сказано ранее) передал ему в дар тела свв. мчч. Папия и Мавра, а кроме того, осыпал зарождающуюся Конгрегацию многими, и притом совершенно замечательными благодеяниями.

Григорий XIV самолично обращался к нему за советом в самых сложных обстоятельствах, но мало того, он так высоко его чтит, что, когда был возведен на папский престол, а к нему подступил слуга Божий, дабы по обычаю облобызать его стопы, он упредил его и, бросившись ему в объятия со словами: «Если я, отче, превосхожу тебя чином, то ты меня – благочестием». Поэтому он ни за что не позволял ему стоять в своём присутствии с непокрытой головой, но велел сидеть в головном уборе.

[492] Климент VIII оказывал ему столь великое почтение и уважение, что во всех делах вверял себя его молитвам. Когда же болел, то часто говорил одному из своих самых близких друзей: «Отец Филипп не молит Бога за меня», – точно полагал, что его здоровье и силы зависят от Филипповых молитв. Он также не хотел бы себе иного духовника, [кроме Филиппа], что был у него до того, как он стал Понтификом, однако тот, ссылаясь на старость, отказался от этой обязанности и предложил вместо себя Цезаря Барония. Когда же святой муж приходил к Понтифику (что часто случалось), тот крепко обнимал его и, облобызав, приказывал сидеть рядом с собой с покрытой головой, а потом, при прощании они обычно снова обнимались и обменивались поцелуем. Мало того, Понтифик сам зачастую вставал при его появлении и целовал ему руку при уходе, что и Григорий XIV обычно делал. Кроме того, онный Климент, прежде чем был возведен на престол Святого Петра, явно не

ценил ничего выше и глубже, чем знакомство и близкую дружбу с Филиппом. Прежде, когда он был ещё аудитором Священной Римской Роты и услышал истца, который утверждал, что является духовным сыном Филиппа, то без обиняков сказал: «Отец оный поистине свят, и когда-нибудь он будет торжественно причислен к лику святых».

[493] А как к нему относились кардиналы, легко выяснить из оставленных ими записей и публичных свидетельств. Среди первых же [стоит упомянуть] кардинала Агостино Валерио, епископа Веронского, известного своей святостью и ученостью, который ещё в ту пору, когда слуга Божий пребывал среди смертных, написал книгу под названием «Филипп, или О христианской радости», где, среди прочего, он пишет много замечательного о Филиппе и называет его христианским Сократом, говоря:

«Поистине, его подобает величать христианским Сократом, ибо, презрев всё внешнее, он был непримиримым врагом всех пороков, неустанным почитателем добродетелей, наставником чистоты и насадителем истинного подвижничества. Постоянно уча смирению не только словами, но и собственным примером, с глубокой любовью открывая свое сердце всем и терпеливо перенося слабости многих, он одних наставлял, других полезными советами поддерживал, за всех перед Богом в святых молитвах заступался и при сих благочестивых трудах сохранял неизменную радость».

<...>

[505] Сколь глубоко сыны его духовные были убеждены в его святости, легко понять также и из того, что они даже при его жизни порой умыкали некоторые вещи, которыми он повседневно пользовался, и хранили их как священные реликвии.

Кроме того, когда он стригся у цирюльника, они тайком собирали падавшие волосы и благоговейно хранили у себя. Когда же слуга Божий однажды это заметил, он тотчас велел выбросить их в окно, но [ученики] украдкой снова их бережно собрали.

Другие также набрали себе немного его крови, что удавалось сделать, в особенности, под конец его жизни, когда по особой милости Божией (как мы рассказывали ранее) она так обильно пролилась.

Не было недостатка и в тех, что, побуждаемые чрезмерной некоей набожностью, ещё в пору земной жизни блаженного мужа ежедневно многократно повторяли краткую молитву наподобие венчика: «Святой Филипп, молись за меня».

Некоторые хранили дома его живописное изображение среди прочих образов святых и ежедневно, преклонив колени, поклонялись ему.

Многие считали прямо-таки священным долгом ежедневно подходить к нему и испрашивать благословения. Были также и такие, кто завёл привычку лобызать ему стопы.

Кроме того, многим так нравилось ежедневно общаться с ним, что даже несмотря на разницу в возрасте с ним, несмотря на призывы товарищей пойти куда-нибудь поразвлечься, они отнекивались, считая, что с ними ничего приятнее и сладостнее не может приключиться, чем встреча с Филиппом. И потому они часто умоляли его

испросить у Господа для них смерть прежде, чем он сам покинет сей мир, дабы, лишившись улады его общения, не остались они в печали и скорби.

[506] Притом, в этом своём уповании на блаженного отца они искренне полагались на его молитвы, прямо говоря о своей уверенности в том, что любая их просьба пред Господом при заступничестве Филиппа несомненно исполнится (если это пойдёт им самым во спасение).

А другие заявляли, что хотя они считают себя погибшими из-за собственной порочности и достойными вечных мук, однако надеются, что по молитвам и заступничеству Филиппа достигнут славы блаженства.

Кроме того, для некоторых имя Филиппа было столь свято и чтимо, что, по их утверждениям, если бы они когда-нибудь слышали, как он воссоставляет мёртвых из преисподней, то не испытали бы по этому поводу ни малейшего удивления.

Наконец, мы сами слышали от многих близко с ним знакомых, что когда он впоследствии был причислен к лику святых, весть об этом событии ничего не добавила к их прежнему мнению о его высочайшей святости. Ибо у них на памяти было, как они видели, слышали и осязали руками своими (ср. 1 Ин. 1:1) [святость] его, в которую Церковь своим учением и указанием повелевала им верить.

[507] А в каких выражениях его восхваляли и превозносили – просто невероятно! Одни величали его ангелом, другие – пророком, третьи – вторым Моисеем и наделяли его различными званиями, словно бы он спал с небес.

Поэтому некто из таких [восторженных почитателей святого], вступив в орден капуцинов, убедил друга, собиравшегося в Рим, чтобы тот вверил себя Филиппу под руководство и наставление, описывая его так: «Ибо он человек поистине апостольского величия, второй Петр или второй Павел». Хотя друг прекрасно понимал, что сие описание несколько преувеличенное, однако, когда приехал в Город и ближе узнал добродетельное житие Филиппа, то осознал, что ему рассказывали гораздо меньше, чем то, что он ныне увидел собственными глазами.

Франческо Кардоне из ордена доминиканцев, связанный с блаженным отцом долгим знакомством, нередко с почтением отзывался о нем так: «Филипп велик смирением, чистотою ангелоподобен и богат бедностью».

[508] Кроме того, многие из его учеников придерживались столь твёрдого мнения о его святости, что нисколько не сомневались, что он уже достиг вершины всех добродетелей и полностью властвует над своей душой, устранив в ней все противоречия и несогласия. Также и мужи высочайшей знатности почитали за особую честь застилать ему постель, подметать его комнату, чистить его обувь, да и вообще все наперебой старались поухаживать за ним – особенно, когда он болел.

Всё, что он говорил, считалось как бы изречением оракула. Почти каждый из тех, кто давал свидетельства о его жизни и нравах, называл его святым, и таковые сходились во мнении, что его непременно следует причислить к лику святых, а многие свидетельствовали, что видели на его лице некое величественное сияние сокрытой святости.

Когда Маркантонио Маффа (упомянутый в другом месте) заводил речь о Филиппе, то, казалось, терял чувство; вот что он, например, говорил среди прочего о его святости:

«Хотя я грешник, да и ничтожнейший, однако с тех пор, как я узнал отца и начал близко общаться с ним, я всегда чтил его как святого. Когда же я омывал пред ним свою совесть [в таинстве исповеди] и получал отпущение грехов, чувствовал, как от него на меня веет благоуханием святости. Затем, служа литургию, я исполнялся особым пылом духовным, чего я вовсе не ощущал, когда исповедовался другим».

Наконец, даже кардиналы, епископы и прелаты, если им каким-либо образом доводилось войти в близкое общение с ним, невольно чувствовали дивное преклонение перед ним, и почти все они то и дело с благоговением лобызали его руки.

[509] Наконец, что важнее всего, святого чтили величайшие праведники, а прежде всего св. Карл, который во время приездов из Милана в Рим заезжал к Филиппу и проводил у него обычно по четыре-пять часов, а находясь вдали, часто переписывался с ним и советовался по наиболее важным вопросам. Не раз также видали, как св. Карл преклоняется к стопам его, обливаясь слезами, и благоговейно лобызает его руки. К тому же он всюду возвещал святость блаженного мужа и искренне вверял себя его молитвам.

Однажды, после долгой беседы, выходя от Филиппа, он сказал нескольким своим спутникам: «Филипп — муж высокой святости и удивительной чистоты душевной».

Кроме того, он ощущал столь великую радость от близкого общения с ним и от установленных им духовных упражнений, что, несмотря на обычную свою крайнюю занятость и огромное множество дел, однажды провёл целый день в нашей обители. Это было 4 октября, в день, когда Церковь торжественно празднует отшествие св. Франциска на небеса.

[510] Итак, едва рассвело, как св. Карл отправился в наш храм и, свершив мессу, раздавал собравшемуся народу Святую Евхаристию до полудня и далее. А среди прочих там присутствовал Мартино Наварро, прославленный благочестием и ученостью, который в этот день решил сам воздержаться от священнодействия, чтобы принять причастие из рук святого кардинала.

После обеда св. Карл изволил подробно ознакомиться с установлениями нашей Конгрегации, выслушал послеполуденные проповеди, поучаствовал в вечерних молебнах, что проводятся в Оратории, поужинал с нашими и там же провёл ту ночь. А на следующий день перед отъездом он воскликнул: «О, блаженны вы, ибо от такого великого мужа проистекли для вас столь достохвальные и святые установления».

Причём тот же самый [кардинал] велел Филиппу держать речь в церкви св. Амвросия Медиоланского при стечении народа, и сам слушал её с величайшим вниманием подобно тому, как и Филипп не раз слушал его проповедь. Чтобы память об этом событии дошла и до потомков, тамошние власти распорядились изобразить его в красках на стене упомянутой церкви.

Часто также оба [святых] вместе попеременно читали Часы.

[511] Блаженный Феликс из Канталиче, капуцин, помимо того, что мы уже рассказали о нём выше, так благоговейно чтит Филиппа, что то и дело приходил к нему, дабы испросить благословения. И вот однажды, заведя его издали на Квиринале, бл. Феликс поспешил к нему, бросился к его стопам и облобызал его руки. Блаженный отец [Филипп] крепко обнял его, и так они оба долго стояли в молчании. Затем один отошёл от другого. Кстати, то, что произошло между ними, в точности подобно тому давнему со св. Людовиком, королём Франции, и бл. Эгидием, спутником св. Франциска, которые в Перудже после взаимных объятий беседовали друг с другом без единого звука, лишь языком своих душ.

А в другой раз тот же слуга Божий, придя к Филиппу и пав ниц у его ног, дабы испросить благословения, получил отказ от отца; вместо этого сам Филипп, преклонив колени, взмолился о благословении у него – и так, обнявшись обоюдно, они немалое время препирались в святом споре.

А ещё часто бывало так: когда тот же бл. Феликс и его спутник Раньеро — сам по себе достойный всяческих похвал за простоту и чистоту своего нрава — приходили к стопам блаженного отца и испрашивали его благословения, то ощущали на себе столь освежающее действие его духовной мощи, что не могли оторваться от него.

Сестра Екатерина Риччи, о которой мы упоминали ранее, имела обыкновение обращаться к нему в письмах как к святому и с глубочайшим смирением вверяла себя его молитвам.

[512] Орсола Бенинкаса, о которой мы упоминали выше, всегда столь высоко его чтила, что оставила сие знаменательное свидетельство о его святости:

«Велением Григория XIII, Верховного понтифика, я была отдана под духовную опеку блаженного Филиппа, и хотя я не чувствую в себе ни следа божественного духа, я узнала, однако, что он пылает великой любовью к Богу. Ибо при разговоре со мною он весь, казалось, трепетал: настолько горячо пылало в нём желание привлечь души ко Христу. Итак, он предпринял великие труды ради меня, чтобы испытать мой дух, а когда, как бы рассердив из-за меня, много чего наговорил, я тотчас же, простёршись перед ним, молвила: «Отче, ты же знаешь меня всю насквозь!», и облобызала ему стопы. А он молвил: «Теперь ты меня выбрани такими же поношениями», – и просил об этом снова и снова, в чём я увидела его исключительное смирение.

Доводилось мне переживать экстаз (сущий крест для меня!) в его присутствии, и хотя я ничего не слышала, если другие звали меня, однако, когда блаженный Отец пробуждал меня святейшим именем Иисуса, его голос так мощно проникал мой слух, что, вопреки всякому обыкновению, я тотчас приходила в чувство.

К тому же однажды в храме св. Иеронима я после принятия из его рук святой Евхаристии впала в экстаз; и вот, отслужив до конца мессу, он подошёл ко мне и велел мне пройти с ним по храму; и хотя я была отчуждена от чувств, он всё же добился, чтобы я двинулась с места». Таковы её слова.

[513] Франческа дель Серроне, девица из Сан-Северино-Марке (о чьей святейшей жизни и нравах превосходно написал Джованни Северано, пресвитер Конгрегации), приехала в Город в юбилейный 1575 год, а когда её привели к Филиппу, то в великом восхищении его добродетелью и святостью прямо сказала, что Иисус зачат в его сердце, и что Бог наделил его духом святой Екатерины Сиенской. Поэтому она хранила его наставления, точно камня многоценные; более того, набожно берегла некий чепец, потому что Филипп коснулся его, когда, протянув десницу, уделил ей отпущение грехов при исповеди.

Наконец, слава и молва о его святости настолько распространились, что к нему стекались люди не только из Италии, но и из Франции, Испании, Германии и со всего христианского мира. Да что там! даже иудеи и другие иноверцы, которые имели возможность поговорить с сим мужем и узнать его поближе, относились к нему с великим почтением и уважением.

ГЛАВА XXXIII. О ТОМ, КАК СО СМЕРТЕЛЬНО БОЛЬНЫМ ФИЛИППОМ ПОСТОЯННО ПРОИСХОДИЛИ НЕКИЕ УДИВИТЕЛЬНЫЕ СОБЫТИЯ, И О ТОМ, КАК ОН В ИТОГЕ ПОЧИЛ В СОВЕРШЕННОЙ СВЯТОСТИ

[514] Тем временем Филипп, пройдя путь земной жизни, исполненный дней и заслуг, поспешал к конечной цели.

И вот за год до кончины его поразила затяжная лихорадка и пронзительные боли в почках, от которых он в несколько дней дошёл до такого состояния, что казалось, будто жизненный дух оставил его: он уже не принимал пищи и не подавал голоса. Однако, несмотря на это, он проявлял невероятное душевное спокойствие, совсем не метался и никак не выказывал боли, а лишь тихим голосом повторял: «*Adauge dolorem, sed adauge patientiam* (Умножь боль, но умножь и терпение)!» Тем временем к нему явились известные врачи Анджело Виттори и Родольфо Сильвестри, прощупали артерию и объявили, что состояние Филиппа уже безнадежно. Поэтому, задёрнув полог кровати, они удалились в другую часть комнаты вместе с некоторыми из наших, а также иными его духовными чадами, которые в смятении из-за предстоящей смерти отца глубоко скорбели.

[515] И вдруг блаженный старец громким голосом принялся восклицать: «О святейшая Владычица моя! О прекраснейшая и достославная! О Владычица моя благословенная!» И повторяя это, он сотрясался с таким духовным пылом и силой, что сама кровать дрожала. Прибежали врачи и другие и, открыв полог, увидели, что святой, всем телом поднявшись в воздух, то вытягивает, то сжимает руки, как будто кого-то крепко и благоговейно обнимает; и слышали, как он снова и снова взывает к своей Владычице, прибавляя: «Я недостоин, я недостоин. Кто я такой, Владычица моя сладчайшая, чтобы Ты пришла ко мне?»

Поражены были все присутствовавшие; одни плакали от радости, другие трепетали всем телом, третьи, уставив на него взор, ожидали, что из этого выйдет... Наконец, нарушив молчание, врачи спросили его, как он себя чувствует. А он, снова улегшись в постели, спросил: «Разве вы не видели Пресвятую Деву, которая пришла ко мне и полностью устранила мою боль?» Сказав это, он как будто пришёл в себя, а когда увидел вокруг так много людей, натянул на голову одеяло и весь залился слезами. Плакал он довольно долго, пока врачи, опасаясь, что он может тяжело от этого

пострадать, не сказали: «Перестаньте уж, отче, перестаньте!» А он прямо и без обиняков ответил: «Право же, я уже отнюдь не нуждаюсь в ваших услугах. Пресвятая Владычица моя пришла ко мне и исцелила меня». Услышав это, они пощупали его пульс и обнаружили, что лихорадка миновала, а он здоров и невредим.

Итак, на следующий день он бодро встал с постели и ретиво занялся своими обязанностями.

[516] Взволнованный сим удивительным событием, Анджело Виттори по возвращении домой безотлагательно записал произошедшее во всех подробностях. И хотя слуга Божий неоднократно просил врачей держать событие в тайне, однако он не смог остановить слухи, немедленно разошедшиеся по Городу. Когда же молва о том дошла до кардиналов Федерико Борromeо и Агостино Кузано, они тотчас же поспешили к Филиппу и поздравили его как с выздоровлением, так и с тем, что ему явилась Матерь Божия. Затем они стали умолять его да заклинять не отмалчиваться, а поведать им о случившемся. И вот отец, побеждённый мольбами своих дорогих чад, рассказал им обо всём, что ему было явлено свыше. Кардинал Борromeо, понимая, что это будет чрезвычайно приятно узнать Клименту VIII, весьма беспокоившемуся о здоровье Филиппа, немедленно известил его обо всём в письме.

Ну а святой муж в тот день не только упомянутым кардиналам, но и всем остальным, кто к нему приходил, настойчиво внушал одно: чтобы они полностью вверились Пресвятой Деве. «Знайте же, дети, – молвил он, – и верьте мне, наученному опытом: ничто так не способствует и не помогает в стяжании божественных милостей, как помощь Матери Божией». Поэтому он настоятельно увещевал их как можно чаще обращаться к Ней, особенно с сей молитовкой, которую мы упоминали в другом месте: «Дева Мария, Матерь Божия, моли Иисуса за меня!»

[517] В следующем же, 1595, году, накануне апрельских календ, он снова был поражен лихорадкой, сопровождаемой таким ознобом, что все его члены дрожали, и он не смог ответить ничего кардиналу Вероны, пришедшему к нему. И сия лихорадка продержалась у него весь апрель месяц.

Однако 1 мая, когда он помолился Господу, чтобы в сей день, когда празднуется память свв. апп. Филиппа и Иакова, которых он почитал с особым благоговением, ему была дана возможность служить в их честь литургию, его желание исполнилось, и утром того же дня он совершил мессу и преподавал таинство Евхаристии некоторым из своих духовных чад, причём без усилий и затруднений, отчего сразу приходило на мысль, что исцелён он был силою свыше. И хотя в последующие три дня, являя покорность совету врачей, он воздерживался от служения литургии, однако ежедневно частным образом укреплялся небесным Хлебом.

[518] И вот 12 мая, в день, когда наша Конгрегация как бы особым чином почитает свв. мчч. Нерая, Ахиллея и Флавию Домитиллу, с блаженным старцем внезапно случилось обильное кровотечение [из рта], из-за чего он едва не испустил дух. По каковой причине Цезарь Бароний, который в то время (как мы говорили) возглавлял Конгрегацию, страшась, что он вот-вот преставится от сей жизни, помазал его святым елеем, после чего тот вроде немного пришел в себя. Тогда кардинал Федерико Борromeо решил немедленно укрепить его Святым Напутствием и сам принёс ему Святую Евхаристию, взявши её прямо с алтаря. Едва же он

преступил порог комнаты, как святой муж, только что казавшийся почти мёртвым, открыл глаза и с великим жаром духовным, залившись слезами, воскликнул: «Вот Любовь моя, вот Любовь моя! Вот моё Благо! Я убиваю Любовь мою!» Это глубоко взволновало всех присутствовавших, и они не могли сдержать слез. Когда же Борромео изрёк обрядовые слова [произносимые перед причастием]: «Domine non sum dignus... (Господи, я недостойн...)», Филипп громким и ясным голосом продолжил: «Domine non sum dignus... Господи, я недостойн, и никогда не был достоин, и ничего доброго не совершил!» – а когда он говорил сие, слёзы текли ручьями. Затем он добавил ещё нечто в том же роде и ещё – с глубокой сердечностью. А собираясь принять Святые Дары, молвил: «Приди, Господи, приди!» Наконец по свершении таинства он поведал: «Ныне я принял истинного врача души моей. Суета сует и всяческая суета! Кто ищет чего-то иного, помимо Христа, тот поистине не знает, чего ищет».

Ну а остаток дня он провёл спокойно.

[519] Вечером же кровотечение повторялось три или четыре раза, и, претерпев жуткие боли, он потерял огромное количество крови. По причине чего он несколько не встревожился, а даже, подняв к небу взор, сказал: «Благодарение Богу, что дано мне воздать за кровь кровью!» Одному же из своих учеников, кто был поражён этим зрелищем, он молвил: «Чего ж ты боишься? Я-то ничего не боюсь». И поистине он не боялся, ибо ничего более желанного (как мы говорили) не могло с ним и случиться.

За кровотечением последовал сильнейший кашель, от которого, казалось, запырало дыхание; так что он часто повторял: «Чувствую, что умираю», неизменно сохраняя, однако, радостное и весёлое выражение лица. И хотя пользовали его многими средствами, так ничего и не помогло. На следующий день, когда к нему вновь явились врачи, он сказал: «Уходите со своими лекарствами: мои ведь куда действеннее и сильнее! Ведь рано утром, когда я послал милостыню нескольким иноческим общинам, чтобы они отслужили за меня литургии и вознесли молитвы Богу, так с того часа кровотечение остановилось, боль в груди и всякое недомогание исчезли, и я понял, что полностью выздоровею». То, что было именно так, как он утверждал, врачи, исследовав пульс, с немалым изумлением подтвердили и [сами] твёрдо уверовали, что так могло случиться не иначе как только силою свыше. С того дня до 26 мая он был здоров и бодр, ежедневно семь раз читал Часы, исповедовал, причащал, поэтому все единодушно надеялись, что он проживет ещё несколько лет...

[520] Надо заметить, Филипп провидел и весьма часто, едва представлялась возможность, предсказывал не только время и день, но и самый час и обстоятельства, при каких он преставится от сей жизни, а также место, где погребут его тело. Итак, поначалу, когда он болел, то несмотря на ухудшения часто заверял, что не умрёт, ведь всё, что Бог постановлял сотворить слуге Своему, Он ему тут же ему по-дружески заблаговременно сообщал.

Так, в год спасения нашего 1562 у него началась жуткая боль в правой руке, доведшая его до такой горячки, что опытейшие из врачей совершенно отчаялись в его выздоровлении. Поэтому те, кто круглосуточно ухаживали за ним, посчитали, что его пора укрепить Святым Напутствием и Последним Помазанием. А он, призвав Таруджи, откровенно сказал: «Право же, я с величайшей охотностью приготовился

бы к смерти, но знай, что на этот раз я наверняка не умру, ведь Бог, доселе осыпавший меня милостями, видя, что я вскоре отойду, отнюдь не оставил бы меня, не укрепив духом благоговения». Более того, болея, он то и дело прямо заявлял, что Бог не допустит его смерти, не известив его прежде необычайным духовным подъёмом. Итак, укрепившись Святым Напутствием и приняв таинство елеосвящения, он сразу же, как только прошла горячка и утихли боли, вернулся, вопреки общим ожиданиям, к своим прежним обязанностям.

[521] А в год 1592, в месяце ноябре, после того, как он перенёс тяжёлую и затяжную горячку, казалось, что дни его уже сочтены. По этой причине, посетив его вечером, упомянутый в другом месте врач Джироламо Корделла, скорбя и рыдая, сказал, что состояние Филиппа безнадежно.

Утром же, когда он пришёл проведать старца, не скончался ли, Филипп, увидев вошедшего, молвил: «Знай же, мой Корделла, что я не умру от этой болезни». И ведь точно: на следующий день он совершенно выздоровел и тотчас же возвратился к своим обязанностям.

Тогда же случилось вот ещё что. Поскольку он, казалось, с каждым днем чувствовал себя всё хуже, то ученики попросили его, чтобы ввиду близящегося Рождества Господня он передал полномочия исповедовать их другому, на что он ответил: «Ну уж нет; погодите немного – в это Рождество я сам вас исповедаю», что и на самом деле исполнилось.

[522] Накануне апрельских календ того же года, в который он преставился на небеса, святой муж поручил написать о. Фламинио Риччи из Фермо, который отправился в Неаполь, чтобы тот как можно скорее вернулся в Город, ибо горячо желал повидаться с ним перед смертью. Он был чрезвычайно дорог Филиппу за свою исключительную добродетель и стал третьим после него настоятелем Конгрегации. Когда же тот извинился и заявил, что не сможет вернуться раньше окончания лета, святой приказал написать ему в ответ, чтобы тот непременно вернулся как можно скорее. Он, однако, снова замешкался, поскольку его задерживали высокопоставленные мужи и особенно неаполитанский архиепископ, из-за чего его снова и снова вызывали по Филиппову приказанию, пока, наконец, блаженный отец не сказал: «Он придет уже напрасно».

За двенадцать дней до своей кончины он сказал Неро дель Нери, поздравившего его с выздоровлением: «Что ж, мой Нери, я действительно выздоровел и не чувствую никаких болей, однако да будет тебе ведомо, что через несколько дней умру, и это станет для всех неожиданностью, ибо моя смерть наступит в вечерние сумерки». Причём именно так и произошло.

По этой самой причине он в эти дни только и твердил при учениках своих: «Чада, предстоит умереть!» Поэтому некоторые из них, утомлённые тем, что всегда слышали одно и то же, молвили: «Мы уже знаем, что предстоит умереть». А святой возражал: «Ладно... Но вы ведь ничуть в это не верите!»

В то время, когда он страдал от кровотечения, Маркантонио Маффа повелал: «Не сомневайтесь, отче, Бог надолго ещё сохранит вас живым, если не для чего другого, то хоть бы на то, чтобы вы благу душ послужили». На что тот в своей обычной

шутливой манере ответил: «Сделай так, чтобы я пережил этот год, и с меня тебе роскошный подарок!»

[523] Он уже посулил Франческо Дзадзаре, что перед своей кончиной даст ему знать обо всем, что тот должен будет делать и соблюдать после его смерти. Поэтому Дзадзара часто просил блаженного старца, чтобы тот исполнил своё обещание. А тот молвил в ответ: «Успокойся и будь радостен: ибо ежедневно во время литургии я возношу молитвы за тебя к Господу; и что Бог мне откроет, я тебе сообщу. Так что не сомневайся, прежде чем умру, открою всё, чего хочу от тебя. Ты доверился мне, и я не хочу, чтобы твое ожидание было напрасным».

Между тем, хотя отец не раз оказывался во время болезни на грани смерти, однако ни разу ничего ему не сообщал. За девять же дней перед отходом из жизни, когда никто о том и не помышлял, Филипп, призвав Франческо, поведал ему всё, что обещал. Тот не мог сдержать слёз, ибо понял, что слуга Божий скоро умрёт, что и случилось на самом деле.

Также за десять дней перед своей кончиной блаженный отец призвал к себе Джамбаттиста Гуэрру, светского брата из нашей Конгрегации, и спросил его, сколько дней уже прошло в месяце. «Пятнадцать», — ответил тот. На что святой ему: «Пятнадцать... Прибавь десять – и пора нам».

[524] Также и Джерманико Фидели он часто говорил в то время: «Право же, мой Джерманико, много ты доселе трудов понёс ради меня, но больше тебе из-за меня ничего терпеть не придётся». В другой день, крепко сжав его правую руку, он молвил: «Что ж такое, мой Джерманико, ты увидишь через несколько дней?» И так часто повторял это, что Фидели весь извёлся от страха, полагая, что христианскому миру грозят тяжкие испытания. Когда же Филиппа постигла смерть, тогда он наконец ясно понял, что предвещали его слова.

18 мая тот же Джерманико Фидели, направляясь в Карбоньяно, небольшой городок в дне пути от Рима, зашёл к блаженному отцу, чтобы по обыкновению испросить благословения, и молвил: «Право же, отче, я поеду весьма неохотно, если ты не пообещаешь мне, что по моём возвращении ты будешь жив-здоров». Тогда Филипп спросил: «Сколько времени ты там пробудешь?» Тот ответил: «Семь дней, ибо я хочу быть в Городе накануне праздника Тела Христова». Тут святой призадумался, а затем молвил: «Ступай, а в названный день возвращайся!».

Итак, он уехал и, пробыв там несколько дней, в ночь, что предшествовала бдению упомянутого праздника, увидел во сне Филиппа, лежащего на кровати в своей комнате и говорящего: «Ну вот, Джерманико, я умираю». По пробуждении он, тревожась предчувствием, немедленно приготовился к отъезду и, несмотря на уговоры местных жителей, не позволил задержать себя даже на один день. Итак, вечером он прибыл в Рим, пришёл к отцу и, к своему облегчению, застал его живым и здоровым. Когда же он почтительно поцеловал руку святого, тот молвил: «Вовремя ты вернулся, ведь, опоздай ты немного, и приехал бы напрасно».

В ту же ночь Филипп призвал к себе Пьетро Консолини и велел ему возложить руку на свою грудь, на то место, которое (как мы говорили) вздулось, и молвил: «Пожалуйста, отслужи за меня мессу». А тот ответил: «Отслужил, и если не будет

другого указания, всегда буду, отче; хотя, – добавил он, – как раз сейчас, когда ты у нас жив-здоров, я не вижу в этом никакой нужды». На что святой ему: «Я прошу не о той мессе, какую ты полагаешь, а о заупокойной».

[525] В тот самый день некая Бернардина находилась при смерти и вот-вот готова была испустить дух, поэтому домашние, утратив всякую надежду на её выздоровление, подготавливали всё потребное для погребения тела. Между тем, к ней пришел Антонио Карли, пресвитер нашей Конгрегации, и, глубоко огорчившись случившимся (ведь она оставляла после себя троих детей), он тотчас же ринулся к Филиппу, рассказал о случившемся и настоятельно просил его помолиться Господу за неё. На что святой ответил: «Ступай; она выздоровеет, а я умру». И в тот же миг, как слуга Божий предался молитве, со всего тела умирающей начал течь пот, а через два дня она выздоровела, ну а Филипп следующей ночью отправился на небеса.

Кроме того, он недвусмысленно преуказал место, где будет погребён. Ибо незадолго до своей смерти он сказал Франческо Боццио, пресвитеру Конгрегации, что хочет обитать подле него. И хотя тот возражал, что та комната неудобна, Филипп настаивал: «Я непременно хочу обитать при тебе». А именно так и случилось, ибо его мощи (о чём мы скажем ниже) были помещены на левой стороне храма на возвышении, рядом с комнатой, в которой и жил тот самый Боццио.

Джамбаттиста Гуерра, заведующий строительством того храма, однажды сказал Филиппу: «Мы соорудили усыпальницу для отцов и братьев нашей Конгрегации». На что святой спросил: «А для меня местечко найдётся?» – «Ну а как же! – отвечал Джамбаттиста, – под главным алтарем слева и для тебя приготовлено». А отец ему: «Ты ни за что не позволишь мне там быть». «Позволю, конечно», – возразил тот. В итоге Филипп ему: «Разместить-то ты меня там, конечно, поместишь, да не позволишь долго пролежать». И предсказание не осталось напрасным, ибо его святые мощи были помещены там упомянутым Гуеррой, а на следующий день он же перенёс их в то место, о котором мы упоминали ранее.

[526] Итак, 25 мая, в день, на который выпал праздник Тела Христова, блаженный отец повелел беспрепятственно допустить к нему всех, кто пришёл исповедаться. С самого утра он начал принимать желавших приступить к сему таинству и многим из своих учеников в шутку назначил в качестве епитимии, чтобы после его смерти они читали Розарий Пресвятой Девы за его здоровье. Кроме того, он дал им много прекрасных наставлений; особенно же он увещевал их к частому принятию таинств, к слушанию Слова Божия, к чтению житий святых, а поскольку каждого из учеников он обнимал с необычайными изъятиями любви, то стало вполне ясно, что скоро он покинет их.

По завершении таинства он с особым благоговением прочитал Часы; затем служил литургию в своей часовне (притом на два часа раньше обычного), а прямо при интроите мессы устремил взор на запад, словно созерцая что-то чудесное. Когда же пришла пора гимна «Gloria in excelsis», он вопреки всем своим правилам и обыкновениям запел; и с великим ликованием духовным завершил сей гимн, скорее пропев его, нежели произнеся (кейно св. Филипп служил «тихую» мессу, при которой не поют, а проговаривают гимны. – прим. пер.). По завершении литургии он уделил нескольким [присутствовавшим] Евхаристию и, возблагодарив Бога,

удалился в свою комнату. Между тем, ему принесли похлёбки покушать. А святой молвил: «Они думают, что я поправился, но они сильно ошибаются». Затем он продолжил исповедать и по-дружески беседовал с приходившими, и оказывал им всяческие знаки любви.

[527] Между тем, пожаловали кардиналы Кузано и Борромео, с которыми он до полудня вел сладостнейшие беседы о божественных предметах; после же их ухода он по своему обычаю перекусил и отдохнул немного; затем внимательнейшим образом прочитал вечерню и повечерие. Остаток дня он провёл, частью принимая приходивших к нему (которым при расставании довольно ясно давал понять, что вскоре покинет их), частью за чтением житий святых, в частности, святого Бернардина Сиенского, описание смерти коего он снова приказал прочитать себе.

Тем временем к нему снова пришёл кардинал Кузано, а с ним Джироламо Памфили (в то время –аудитор Священной Римской Роты), а вскоре также Спинелло Бенчи, первый епископ Монтепульчано, с которыми он благоговейно прочитал утреню следующего дня, намереваясь пропеть остальные Часы вместе с ангелами на небесах. Исполнив сие, они вместе вернулись в комнату.

Тут к отцу явился неугомонный Анджело Виттори и, прощупав, как обычно, вену, спросил: «Ну-с, отче, разве чувствовали вы себя когда-нибудь прежде так хорошо, как сейчас? Право же, за десять лет я никогда не видел вас в лучшем состоянии!» После этого Филипп выслушал исповедь кардинала Кузано, причём из почтения проводил его вопреки всякому своему обыкновению до самой лестницы, устремил на него взгляд и крепко пожал ему руки.

[528] Затем он выслушал ещё много исповедей. После этого поужинал, как обычно, в одиночестве, а после трапезы выслушал исповеди некоторых наших – тех, что собирались служить мессу на рассвете следующего дня. Наконец, явилось множество слуг, дабы испросить у святого отца торжественного благословения, и он всех принял с каким-то особенным благоволением.

После третьего часа ночи (т.е. ок. 9 вечера. – прим. пер.), сотворив обычные молитвы, он лёг в постель, не подавая ни малейшего признака недомогания – хотя сам, предчувствуя приближение часа кончины (о чем он часто говорил в предыдущие дни), с великим жаром душевным твердил: «Наконец пора умирать».

Спросивши, который час, и услышав, что миновал третий, он, словно бы сосчитал что-то про себя и молвил: «Дважды три будет шесть; скоро нам отправляться». Потому он отослал всех, чтобы провести остаток ночи со своим Господом без свидетелей.

И вдруг после пятого часа ночи (ок. 11 ч.) он встал с постели и начал ходить по комнате, отчего проснулся Антонио Галлонио, который почивал в комнате ниже, и, тотчас же прибежав, увидел, что блаженный старец снова лёг в постель и пытается откашляться. А на вопрос: «Как ты?» ответил: «Антонио, я отхожу».

[529] Галлонио тут же бросился к собратьям, которые, позвав врачей, пришли к Филиппу, застав его сидящим в постели. Поскольку же им пришла мысль, что снова надвигается кровотечение, то принялись так и эдак пытаться предотвратить сей недуг, отчего в кратчайшее время он вроде бы продышался и взбодрился, отчего

говорить смог легко и непринуждённо. Сам же он, провидя будущее, сказал, что больше ничего не нужно.

Между тем создали всех отцов, и, окружив постель, они коленопреклонённо молились Богу и оплакивали [предстоящий] уход дражайшего своего отца. И уже едва теплился слабый жар в его груди, и от живого человека в нём сохранялась лишь способность что-то слышать (*sensum quidquam*), когда Цезарь Бароний, который торжественным церковным чином вверил его душу Богу и всем Силам небесным, громким голосом молвил: «Итак, отче, ты уходишь и ничего нам не говоришь? Хотя бы своим благословением укрепи нас!» Тогда Филипп, подняв десницу и возрев на небеса, на какое-то время сосредоточенно замер; затем опустил взгляд, словно испросив для них благословение у Господа, и в полной безмятежности испустил дух.

ГЛАВА XXXIV. ЕГО ПОСМЕРТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ, ЧУДЕСА, ПОГРЕБЕНИЕ

[530] В тот самый момент, когда святой муж вознесся на небо, он явился многим, в особенности Тео Гуерри, который, будучи стариком, между сном и явью увидел блаженного отца, осиянного божественным светом, и молвил: «Мир тебе, брат, вот я восхожу в обители лучшие». От этих слов сон полностью оставил Тео, и он услышал, как те же слова повторились трижды. Получив затем письмо из Города, он понял, что Филипп скончался в тот самый миг, когда явился ему в видении.

Также Ортензия Анелли, инокиня из римского монастыря Св. Цецилии, увидела его во сне: в белоснежном одеянии, восседая [на руках] ангелов, он возносился на небо со словами: «Я восхожу к покою, ты же продолжай свой путь и труды в иноческом подвиге; и куда я иду, придёшь и ты (ср. Ин. 13:31-38) – не сомневайся, ибо теперь я буду куда лучше прежнего молиться за тебя Бога». От этих слов она пробудилась, исполнившись невероятной радости. Утром же, когда по Городу разнеслась весть о смерти Филиппа, она осознала, что преставился он в тот самый час, когда явился ей во сне.

[531] Равно же и другая инокиня, что руководила послушницами в обители св. Марии Магдалины на Квиринале, в тот же самый миг узрела блаженного отца, увенчанного славой и честью. И стала она выпрашивать о своём спасении, пока слуга Божий наконец не изрёк: «Оставь меня, ибо я не могу здесь дольше оставаться, слишком многие других (он указал на наших) уже задержали меня».

В ту же ночь святой отец явился Виттории де Массими, благочестивейшей из монахинь обители св. Марфы, которая некогда была ему духовной дочерью, и возвестил ей: «Я заглянул к тебе, прежде чем уйти, чтобы ты не сетовала на меня». На что она ответила: «Святой отче, ты уходишь на небо?» Тогда святой, показав ей обширнейшие заросли терний, молвил: «Если хочешь прийти туда, куда я иду (ср. Ин. 7:33-34; 8:21-22; 13:33), ты должна ступать через них». И в тот же миг она проснулась в слезах и сказала: «Ой-ой! Отче мой, больше мне тебя не увидеть!» И довольно скоро разобравшись, что приближается седьмой час ночи (первый по нашему счёту. – прим. пер.), она до самой утрени непрестанно молилась, вверяясь заступничеству Филиппа, ибо твердо уверовала, что он преставился на небеса.

[532] Равно же и Катарина из Морлупо, посвящённая Богу дева из Третьего Ордена св. Доминика, прославленная притом добродетелью христианской, в тот самый день,

что наступил по смерти Филиппа, после принятия Св. Евхаристии в экстазе узрела некоего старца, почтенного обликом и сединами, в белоснежном священническом облачении, восседающего на возвышенном престоле, окружённом ступенями многими, а на них золотыми буквами были выписаны добродетели, в коих он особенно упражнялся. У его ног же виднелось великое множество как священников, так и мирян обоего пола. Очень Катарине хотелось узнать, кто они такие, и тут она поняла, что они суть те, кто с помощью сего старца стяжал вечное спасение. Когда же она затем по послушанию рассказала об этом своему духовнику, брату Давиду де Нери из Ордена Проповедников, и тот спросил её о внешности и возрасте старца, она живо описала все его черты; когда упомянутый духовник показал ей портрет блаженного отца, который имел при себе, она тотчас воскликнула: «Это тот самый, кого я тогда видела!»

[533] Не следует обойти молчанием также и то, что спустя несколько дней после кончины Филиппа случилось с Артемизией Кели, девицей испытанной добродетели, что окончила свою жизнь в монастыре Очищения Пресвятой Девы Марии, овеванная славою святости. Итак, сия инокиня в беседе со своей матерью о выдающейся добродетели блаженного отца сказала: «Право же, я полагаю, что Филипп на славу послужил Богу, но хотелось бы увидеть, как он воскрешает мёртвых, возвращает зрение слепым, а хромым – способность ходить; вот тогда бы мне стало всё куда яснее и был бы он для меня воистину святым. И хотя говорят, что он совершил много чудесного, однако, поскольку я больше верю глазам, чем ушам (да люди ещё часто и преувеличивают многое), я не могу полностью доверять рассказам о его святости».

И вот в самом начале ночи, едва она задремала, как увидела во сне Филиппа в Ватиканской базилике: он поднялся по неким огромным подмосткам ко гробнице апостолов и сказал: «Если ты не видала того, что я совершил при жизни или после смерти, то взгляни теперь, Артемизия, что я сделаю!» Когда он сказал сие, под самым сводом храмового купола тотчас же появился ослепительно сияющий круглый алтарь (mensa), и Филипп, вознёсшись к нему от подмостков, вмиг напрочь исчез из глаз. Сильно взволнованная увиденным, девица рассказала матери обо всём и осудила собственную недоверчивость. Не остаётся никаких сомнений, что то событие предзнаменовывало ей: Филипп будет в итоге причислен к лику святых торжественным церковным чином – чтобы в дальнейшем она нисколько не сомневалась в его святости.

[534] После седьмого часа ночи тело усопшего было омыто и облачено в священнические одежды; и наши перенесли его на руках в храм.

А на рассвете, когда разошлась весть о его смерти, тотчас же стеклось огромное множество народу, желая увидеть его. При этом лицо его нисколько не побледнело, но исполнилось такого достоинства и спокойствия, что можно было подумать, будто он не мёртв, а спит. Мало того, казалось, его окружало некое сияние, которое чудесным образом привлекало к нему взоры всех. Стоило бросить на погребальные носилки розу или другой какой цветок, их тотчас же расхватывали руки из толпы.

Затем были совершены торжественные заупокойные молитвы и отслужена месса, в которой участвовали многие прелаты. Между тем, пока читались погребальные

молитвы, среди прочих псалмопевцев находился Маркантонио Каратти, клирик из Альбы, терзаемый жутким беспокойством (скорее всего, страдавший от тревожного расстройства. – прим. пер.), и обратился он к тому, по которому публично совершал поминовение, с глубокой сердечной мольбой. А и не напрасно, ибо тотчас же почувствовал, что исцелился от всякого беспокойства.

[535] Чтобы увидеть его, собрался также многие кардиналы, среди которых были Кузано и Борромео – они, обливаясь слезами, благоговейно лобызали его руки и ноги. Присутствовал и Габриэле Палеотти и оплакивал усопшего, которого ещё при жизни его, как мы уже говорили в другом месте, он представлял христианскому миру как образец всех добродетелей, до самой его старости достойный подражания. А кардинал Оттавио Паравичини прямо-таки с невероятной скорбью слёзно оплакивал того отца, которого он знал с юных лет и всегда любил. Кроме того, поглядеть на святые останки явились многие вельможи, а также знатные дамы, среди коих была и супруга посла испанского короля, которая благоговейно чтит Филиппа и в обильных похвалах превозносила его святость.

А в это время произошло поистине достопамятное событие. Цезарь Бароний, возглавлявший Конгрегацию, вместе с другими отцами находился в церкви возле святых останков и всё не мог взять в толк, какие именно молитвы ему следует возносить за того, кого он считал умершим для мира и счастливо живущим с Богом. Тут он почувствовал побуждение открыть breviарий, и сразу же взгляд его упал на: «...Призри с неба, и воззри, и посети виноград сей; охрани то, что насадила десница Твоя» (Пс. 79: 15). Так вот именно этой молитовкой, считая её как бы ниспосланной свыше, и сам Бароний впоследствии частным образом к блаженному отцу обращался, и другие члены Конгрегации ввели это в обыкновение.

[536] Почти то же самое произошло с Марчелло Вителлеско; лежа в постели и услышав о смерти Филиппа, он никак не мог заставить себя произнести псалом «Из глубины», обычно читаемый за упокой; [то же чувствовали и другие выдающиеся мужи.] но вместо него сказал: «Хвалите Господа, все народы»; псалом, которым Церковь пользуется при кончине младенцев и детей, о которых несомненно, что их невинность вознеслась на небеса. Также Якоб Кресчентиус, который в тот самый день должен был совершить за него богослужение, с величайшим внутренним сопротивлением едва смог заставить себя отслужить заупокойную мессу. Иероним Бегер из доминиканской семьи, генеральный проповедник, в тот же день в церкви Санта-Мария-сопра-Минерва произнес перед народом блестящую речь о добродетели и святости Филиппа; и сказал, что не следует молиться за него как за умершего, ибо никто не может сомневаться в том, что он счастливо живет на небесах: поэтому небесные Жертвы, которые приносились за его душу, без сомнения, принесут пользу не ему, а тем, кто находится в Чистилище. В один голос многие говорили, что Филиппа без всякого промедления следует причислить к лику святых, чтобы он почитался на земле с должным почетом и благоговением, как тот, кто, несомненно, уже увенчан славой и почетом на небесах.

[537] И в течение тех двух дней, пока святые останки были выставлено в храме на всеобщее обозрение, происходило величайшее стечение народа; и одни наперебой лобызали его руки, другие – ноги, третьи – носилки, иные же прикладывали [к ним чётки] (называемые «розариями»). И хотя наши внимательно следили, чтобы никто

ничего не украл, тем не менее, невозможно было всего предотвратить: кто-то отрезал кусочек одежды, кто-то – [прядь] волос, кто-то ещё – от бороды, а иные даже ногти, и благоговейно хранили их у себя. Некоторые также знатные дамы снимали с себя кольца и надевали их ему его пальцы, а затем благочестиво и набожно их берегли. Кроме того, бесчисленное множество иноков из различных монашеских орденов стекались туда, дабы облобызать его руки и ноги. Особенно много было послушников-доминиканцев, которые, окружив со всех сторон носилки, оплакивали своего любимого отца, от которого они так часто получали утешение и побуждение к добродетели. Тут уж можно было наслушаться, как одни рассказывают о его добродетелях и славных деяниях, другие горько скорбят об утрате зеркала святости; третьи сетуют, что угас великий светильник Церкви, благодаря которому были учреждены упражнения Оратория на великую пользу всего христианского мира; четвертые величают его мужем, далеко превзошедшим всех, ибо, находясь в близких отношениях со столькими властителями, прелатами и даже самими верховными понтификами, так избегал почестей и достоинств; иные же превозносят его глубокое смирение, которым он столь мудро ограждал исключительную святость своего жития и ежедневные знамения и чудеса... Ну, наконец, толпа нищих причитала, что лишилась отца.

[538] Между тем, пока святые останки оставались в храме, «дивным соделал Господь святого Своего» (Вульг. Пс. 4:4); и среди первых [испытал это на себе] Агостино де Маэстри, отрок одиннадцати лет, тяжело страдавший от множества золотушных узлов на шее, проникавших глубоко в ротовую полость. Жуткая болезнь держалась уже более шести лет, и ни один врач не мог его исцелить, поэтому, когда по Городу разошлась молва, что святой муж скончался в Валличелльской обители и что через него совершается множество знамений и чудес, Агостино тотчас же помчался туда и, пробившись наконец сквозь плотнейшую толпу, добрался до носилок и, немного помолвившись там, взял руку блаженного отца и с великою верой приложил к своей шее. В тот же миг он обрёл исцеление.

Едва он вышел из храма, как пластырь, который был прилеплен к его шее, сам собою отпал, а вернувшись домой, отрок не почувствовал на себе и следа язвы или болезни. Когда кардинал Палеотти услышал об этом, он захотел своими глазами осмотреть и своими руками ощупать [доказательство чуда]; убедившись же, что все произошло так, как рассказывалось в народе, он изумился и возблагодарил Бога, дивного во святых своих.

[539] Кроме того, когда тот же самый Агостино, как мы только что сказали, вернулся домой, то рассказал матери о случившемся, и объяла её невероятная радость, поскольку у нее была ещё младшая дочь, которая также шесть лет страдала от той же болезни. Исполненная надежды, женщина тотчас же привела ее в Валличеллу. Добравшись наконец до священных носилок, мать поднесла девочку к святым останкам, и та сторона шеи, что коснулась руки святого, исцелилась, а с другой стороной не успели, ибо и толпа собравшегося народа мешала, и неожиданный приход жены испанского королевского посла тому воспрепятствовал.

Мало того, у той самой девочки уже два года так сильно болела нога, что она совсем не могла стоять; и вот вечером благочестивая мать подмешала в воду роз, взятых ею

с останков блаженного, и омыла эту ногу водой сей, после какового лечения девочка тотчас же стала ходить и ощутила, что выздоровела.

Также Алессандро, их отец, которому было более шестидесяти лет и который два месяца сильно страдал от гнойного воспаления глаз, так что даже ночью не мог смотреть на свет и сильно боялся слепоты из-за обилия влаги в глазах, услышав о смерти Филиппа, поспешил к святым останкам и возложил руку блаженного отца на свои глаза. После этого ему тотчас же стало лучше, и без всякой врачебной помощи он вскоре полностью исцелился.

[540] В то же время римлянин Анджело Контини столь тяжело страдал от сильной лихорадки и плеврита, что на его исцеление уже не оставалось надежды. Случилось так, что его родной брат пришел поклониться святым останкам и принёс домой несколько цветов, которые затем бережно и благоговейно приложил к голове брата. В это время вошла их мать и увидела, что лицо больного так изменилось, стало таким землистым и жутким, что казалось, он вот-вот испустит дух. Потрясенная этим зрелищем, она удалилась в другую комнату и дала волю слезам. Между тем брат, принеший цветы, подошёл к матери и рассказал ей, что сделал. Исполнившись упования, она вернулась к больному и, отерев темные пятна, обнаружила, что ему вернулся румянец; более того, он вновь обрёл утраченные чувства и речь, и уже весело и радостно шутил с братьями. А когда затем к нему пришел его духовник, дабы помазать его святым елеем во исцеление, то, к величайшему своему изумлению, увидел его совершенно здоровым и невредимым.

[541] Эпифания Коликкья из Реканати целые семь месяцев страдала от тяжелейшей астмы (*spiritus difficultate*), так что не могла ни стоять, ни ходить, и вообще покоя себе не находила, терзаясь к тому же от учащавшихся болей. И вот, когда разошлась молва о кончине Филиппа и о его чудесах, она пришла к его святым останкам. Сотворив молитву, она взяла несколько роз из тех, коими было усыпано тело, и с искренней верой приложила их к своей груди; и в тот же миг ощутила, как мучивший её приступ полностью прекратился.

Та же женщина страдала от безобразной и застарелой парши, которая покрывала все её тело и причиняла несчастной жестокие мучения. Ну и вот: стоило ей тогда прикоснуться к розам, как она тотчас очистилась, а в итоге от болезни не осталось и малейшего следа.

[542] Мария Джустиниани так тяжело страдала от головной боли, что никакое врачебное искусство не могло ее исцелить. И вот любящая мать привела ее к святым останкам Филиппа, тайком отрезала несколько волос и вернулась домой, полная доброй надежды, словно уже нашла вернейшее лекарство для дочери. Затем она приложила волосы к голове Марии со словами: «Св. Филипп, ты всегда помышлял о душах и пламенел жаждою спасения их, так молю же тебя, верни здоровье сей моей дочери!» В тот же час девочке стало легче, а в скором времени она полностью выздоровела.

[543] У сынишки Доротеи Брумани колени и голени были так искривлены, что он совершенно не мог ни ходить, ни стоять, поэтому мать, тщетно перепробовавшая различные средства, не без оснований полагала, что это врожденный порок. Она не раз горячо желала привести мальчика к Филиппу ещё при его жизни, и хотя ей так и

не подвернулось удобного к тому случая, она твердо верила, что Филипп и после смерти откликнется на её мольбы, и если сын прикоснётся к его телу, то выздоровеет. Итак, как только она получила весть о преставлении святого, немедленно призвала к себе кормилицу и послала её в Валличелльскую церковь. Затем же, пришедши туда и сама, взяла мальчика из рук кормилицы и, сняв с него чулки, возложила его слабые и вывернутые ножки на святые останки, после чего отослала кормилицу с сыном домой. Наконец, излив молитвы, она также вернулась домой. Однако же не успела она ещё подняться по лестнице, как ей навстречу вышла кормилица со словами, что мальчик уже прямо и легко ходит. Поглядев на сие, мать преисполнилась несказанной радости. Ну а малыш с того дня вполне окреп телесно и набрался сил.

[544] Святые останки были выставлены для народного почитания до третьего часа ночи, а теперь предстояло вскрытие и осмотр. При нём наряду с врачами присутствовали несколько наших, а также многие другие. Произошло при этом событие воистину примечательное: когда тело несколько раз поворачивали то в одну, то в другую сторону, оно, словно живое, прикрывало рукою срам. Пораженный сим, Анджело Виттори воскликнул: «Задумайтесь, какой целомудренный человек: даже мёртвый хранит стыдливость!» Впрочем, ранее то же самое заметили и наши, когда омывали святые останки и обряжали.

Итак, при вскрытии тела было обнаружено, что та самая заметная выпуклость на груди была вызвана переломом двух ребер (как мы уже рассказывали ранее, говоря о его чудесном сердцебиении); а органы, прилегающие к сердцу, не обнаружили ни малейшего признака повреждения или порока. Однако прежде чем предать тело погребению, по просьбам многих пригласили скульптора, чтобы он снял с лица покойного гипсовый слепок (по которому позднее было сделано множество восковых изваяний, весьма похожих на живого Филиппа).

Был же блаженный отец среднего роста, белокож, с веселым и приятным обликом, чело его было высоким и ясным, однако он так никогда и не облысел; нос имел орлиный, глаза серо-голубые и живые; бороду носил не слишком длинную, причём в последние годы она из чёрной стала белоснежной.

[545] По завершении сего тело вновь положили на погребальные носилки и на следующий день оставили [без погребения], чтобы стекавшиеся толпы могли напоследок почтить его, а вечером, заключив в деревянный гроб, погребли в общей могиле нашей [Конгрегации], под полом хоров, рядом с главным алтарем. Когда об этом проведал кардинал Федерико Борromeо, он не одобрил чрезмерной скромности, проявленной в таком деле отцами; с ним согласился и кардинал Алессандро Медичи, сказавший, что столь великого мужа отнюдь не следовало хоронить в заурядной общей могиле, но надлежало поместить его в более достойном месте и ждать, что в итоге о нём Богу заблагорассудится.

Итак, святые останки извлекли из могилы, положили в более достойный гроб с медной пластиной, на коей было вырезано имя Филиппа, и перезахоронили в левом нефе храма (о чём мы вкратце упоминали ранее) на высоте, где их заключили в кладке, возведенной наподобие [склона] пирамиды. Случилось же, не без чуда, что трёхдневные останки по извлечению из могилы не издавали тленного смрада и не

окоченели, но сгибались во всех членах, отчего казалось, что это не мёртвый человек, а скорее, спящий.

[546] Едва же его перенесли на то место, как к нему начал ходить толпами народ, принося множество даров и обетных табличек. Некоторые, кроме того, чуяли исходящее оттуда сладчайшее благоухание. Среди прочих бывала там и Джулия Орсини, дама великой (как мы говорили) добродетели; и когда она молилась, её часто заливал приятнейший аромат. Было же и почти неисчислимое множество таких, кто, приходя на это место, внезапно чувствовал наплыв сердечной радости и побуждение к благочестию. Следует нам здесь также отметить, что в следующем, 1596 году, 28 января (за пять дней до февральских календ), по распоряжению кардинала Агостино Кузано, околосердечные органы Филиппа, положенные после вскрытия в сосуд и захороненные в земле рядом с самим телом, были извлечены на свет божий. Хоть прошло целых восемь месяцев, они оказались совершенно нетленны, свежи и белы, словно бы их погребли прямо в тот самый день. Их затем тщательно омыли и высушили, и ныне часть их заключена в некий преизрядный серебряный реликварий, а часть была разослана по различным городам и обителям, так что узреть их можно почти везде на свете.

Подготовлено для сайта РУСКАТОЛИК.РФ

Перевод: Константин Чарухин

Корректор: Ольга Самойлова

ПОДДЕРЖАТЬ ПЕРЕВОДЧИКА:

PayPal.Me/ConstantinCharukhin

или

Счёт в евро:

PL44102043910000660202252468

Счёт в долл. США:

PL49102043910000640202252476

Получатель: CONSTANTIN CHARUKHIN

Банк: ВРКОPLPW